

Часть I. Соломенные.

Восемнадцатый. Сентябрь.

Флешка от телефона. Маленький кусочек пластмассы, хранящий видео, которое я предпочел бы не видеть. Такое не выложишь в соцсетях, не покажешь друзьям и родителям. И навряд ли захочешь посмотреть снова. О нем лучше всего забыть. Только вот никак не получается. Как и о том волшебном лете, когда это видео было снято...

Сорок первый. Август.

Скрипучую телегу медленно тащила в гору худая лошадёнка. Возница клевал носом. Позади него на сером тряпье сидели измученные голодом дети. Тонкие руки обнимали отощавшие тельца. Огромные, но уже не испуганные глаза. Давно привыкшие к ужасам войны. Впалые щеки и тёмные круги в пол-лица, неразличимо замаскированные пылью дальних дорог.

Старшему было пятнадцать. Чуть прищурившись, он вглядывался вперёд, в надежде увидеть уцелевшие дома живой, нетронутой фашистами деревни. Там, где можно будет найти хоть что-то, чтобы накормить малых. Он чувствовал себя в ответе за свой маленький отряд. Который всё больше превращался в стайку обозленных волчат.

Они ехали на восток. Ползли, потому что бежать сил не было. Плелись, потому что знали, война рано или поздно убьёт их, но не хотели быстро сдаваться.

Их детдом в пригороде был разрушен бомбежкой. Уцелело всего двенадцать человек. Двенадцать изначально никому ненужных детей почему-то остались жить. Хотя там, в большом городе погибли сотни нужных, любимых, родных... Теперь они были нужны друг другу. Они - отряд, стая, одно целое. А он - вожак. Митя Перепелкин, по детдомовской традиции - Перепелка.

Дорога лежала меж двух невысоких холмов, делила тёмной лентой выжженное солнцем поле. По правую сторону впереди высилась куча старой, посеревшей соломы. Над полем с тоскливыми криками кружили два ястреба.

- Есть хочется, - к плечу Перепелки прижалась девочка.

Он привычно протянул руку, нырнул ладонью в брезентовый рюкзак. Достал маленькое яблоко-дичок. Кислое, но уже не жесткое, с сочной желтоватой мякотью.

- Опять яблоко, - заскулила она, - я не хочу, оно острое.

- А это и не яблоко, - Митя заодно подмигнул, подбросил его и поймал другой рукой, - это персик! - и снова протянул девочке.

С грустной улыбкой она взяла, надкусила, готовая скривиться от кислого вкуса, но тут на её лице появилось выражение грандиозного изумления.

- Сладкий персик! - воскликнула она, - у нас есть сладкие персики! Ребята, налетаем!

Тут же к старшему протянулись худые и грязные ручонки. А он с довольной улыбкой раздавал, ими же совсем недавно собранные в прилеске, дикие яблоки, непременно перекидывая из ладони в ладонь и превращая тем самым в диковинные заморские фрукты.

- А немцы злые? - вдруг пропищал самый младший из отряда - Егорка.

- Нет злых народов, есть злые люди, - со вздохом ответил Митя.

Восемнадцатый. Август.

Нет, я был не против этой поездки. Но родители словно оправдывались: «Тётя Агния в этом году одна. Сашу же в армию забрали. В июле ей Татьяна помогала с огородом, но у неё отпуск кончился. Надо ехать...»

Да я не против. Только у мамы глаза вроде испуганные. «Ладно тебе, давно все закончилось» - папкины слова. Ну не странно ли?

Село Михайловское - родина отца. Правда, родовое гнездо давно рухнуло и на этом месте стоит новехонький и красивый коттедж. Только чужой. Наше недвижимое имущество теперь представлено небольшой избушкой и огромным огородом. Заправляет хозяйством старенькая тётушка Агнюша. Обычно на все лето к ней приезжает фиг-знает-сколько-юрдный мой братец Сашка. Но в это лето ему достался счастливый, отнюдь не белый, билет.

Да, ещё у отца на работе возникли неприятности, и ни в какой корпоративный летний лагерь я не поехал. А чтоб я не мотался по городу в свои «безумные пятнадцать» и не искал ненужных приключений, меня было решено отправить в Михайловское. Да я не против. Устал уже повторять. Только родители чего-то мнутя. Наивные, приключения я себе везде найду.

Нет, ну если бы я мог представить... то, что увидел потом... то, с чем существовал бок о бок почти целый месяц... о чём предпочел бы не знать... Я бы не поехал.

Санька очень удобно устроился. Чёткое разделение прав и обязанностей. Он беспрекословно выполняет все тётушкины поручения, а она не сдает его родителям, даже если он заваливается далеко за полночь, «по горлышко», как выражается тётя. Не знаю, как насчёт выпивки, проверять пока не хочу, а вот гулять мне тоже можно хоть до утра.

И есть с кем. Есть нормальные ребята, есть девчонки. Есть где тусоваться. Старый клуб выкупили в начале нулевых какие-то умники. Теперь по субботам в Михайловском дискотека. А в будни - кафе-бар, организация торжеств, поминальные обеды... Есть пара магазинов, аптека.

В целом, деревня как деревня. И мне здесь нравится. Если бы не странные воспоминания из детства, всплывающие невзначай...

- Сегодня я тебя с Иринкой познакомлю, - прищурился от солнца мой новый приятель Витька, - клевая девчуля!

Клевая... Сто лет уже не слышал этого слова. Ну, лет десять точно. Когда был здесь последний раз. И когда случилось что-то нехорошее. Помню испуганные глаза матери, и потемневшее лицо отца, когда они примчались ни свет ни заря, запихнули полусонного меня в машину и унеслись в город так, что пыль столбом. Мне было лет пять, не больше. Помню причитания тётушки Агнюши: «Ну, может, и к лучшему... фашист проклятый... прости Господи».

- Эй, Митяй, - трясет меня за плечо Витька, - на чо залип?

- Да так...

Как-то быстро у нас с Иринкой всё закрутилось. Она и правда классная. Красивая... Глаза светло-карие, носик в веснушках, а волосы... Это про неё Есенин писал «хрустальный дым, цвета в осень». Кароч, я влюбился именно в её волосы. Тонкие, лёгкие, светло-русые, соломенные... Прядки на солнце светятся. Мягкие, а пахнут скошенной травой, тёплым дымом, ванилью... Согретой солнцем соломой...

Этот запах я тоже хорошо помню. Так пахло вечером в тот далекий август, когда... жалобно скулили собаки...

Помню, как крестилась тетушка и приговаривала «свят-свят», как долго не решалась позвонить моим родителям, а потом клятвенно заверяла в трубку, что двери заперты на все засовы. И уже потом, в городе мои вполголоса обсуждали на кухне судьбу взрослого парня по имени Рудик. И резко замолчали, увидев меня в дверях.

А у Иринки котяра живёт. Большущий увалень Василий. Она его часто тискает, или просто на плечах носит. А я ему завидую чёрной завистью. Эх, я бы тоже непротив с утречка пораньше запрыгнуть на

постель к моей принцессе и долго мурлыкать на ушко что-нибудь забавно-романтическое...

Василий ко мне не ревнует, типа, я не соперник. А я не могу его даже погладить, хоть Иринка то и дело перекладывает котэ мне на колени.

Нет, не то чтобы я не любил кошек... Мягко говоря, у меня к ним отвращение, тысячевольтная неприязнь. Просто потому что я знаю, в прямом смысле, их изнутри. Эпизод из детства, а впечатлений на всю жизнь. Мерзкая история, как-нибудь расскажу...

Развлечения у местных - так себе. Днем сидеть у старого магазина, тарашиться в телефоны, прикалываться. Лентяи. Я-то рассчитывал погулять по лесам, грибы-ягоды, порыбачить на затоне. Здесь очень красивые места. Поэтому, теперь у меня новый альбом. Инстаграм в восторге. Жалко камера моего телефона (в общем-то неплохая) не «видит» того, что вижу я.

Знал бы я, что будет и наоборот...

Мне повезло с погодой. Третья неделя без дождей. Сушь раскрасила пейзажи оттенками сепии. Такие эффекты никакому редактору не под силу. Небо выцвело, в блеклой зелени уже проглядывают охристые и серо-бурые штрихи ранней осени. Нет глубины цвета, нет контрастов. Только прозрачно-фиолетовая дымка над горизонтом, текучая, подвижная, дрожащая в жарких лучах солнца.

Тётка не особо нагружала меня работой. Благо, полоть уже нечего. Поливать - только огурцы и капусту. Сборка урожая меня не касалась, по причине моей криворукости в этой области огородоведения. Так что, после поливки я отправлялся гулять по окрестностям с телефоном, «печатлея» все подряд. Пока сумерки не добавляли мне излишней выдержки. После девяти я заходил за Иринкой. И мы шли в клуб.

Сельская дискотека. Дичь дикая. Извините. Наверное, так отдыхали родители. Только музыка не та. Честно, я бы предпочёл поколбаситься под «Руки вверх», «Дискотеку Аварию» или как их там. Дискотека нулевых.

Нет, нынче в моде гости с юга и их «зажжигательные» мотивы с примитивными и неграмотными текстами. Лучше бы уж на своём пели, а русский язык не трогали. Нет, я не нацист, я скорее - ксенофоб. Э, не фоб, а ксеномизантроп.

А Иринке нравится. Подлетает ко мне, смеётся:

- Мить, почему не танцуешь?

- Пойдём отсюда?

А на выходе становится понятна причина засилья музыки юга. Засилья не столько музыки, сколько её потребителей. Их и в зале было немало. А в дверях...

Троица азеров прижала к стене какого-то худощавого русского паренька. Они не били его, но вероятно лишь по той причине, что бедолага согласно кивал на все их вопросы.

Иринка крепко вцепилась мне в руку и прошептала:

- Митя, ради Бога, не вмешивайся.

До меня донеслись обрывки:

- Еще рас ты с Маринкой увижу - бошку оторву, понял? - цедил с ненавистью высокий парень в белой футболке и хлопковых брюках. Его дружки небрежно подпирали под плечи свою жертву, со скучающими лицами разглядывая обстановку.

Две пары глаз провожали меня, пока Иринка торопливо тянула на улицу. Глаза побитого щенка и глаза волка. Горячие, злые, насмешливые.

- Русские свиньи, даже за своих постоять не могут, - донеслось мне в спину.

И прежде чем я сделал следующий шаг назад, на моих плечах повисла Иришка: - Митя! Не надо! Это же Расим.

Я снова встретил насмешливый взгляд чёрных глаз, пока еще плохо представляя, что и зачем делаю.

- Э-э, пацан, - рассмеялся вдруг Расим, - ты мелкий еще, придёт и твоё время, гуляй пока.

Дружки его дружно заржали.

Я стоял на крыльце, куда всё-таки удалось оттащить меня перепуганной насмерть Иринке, в бессилье сжимал и разжимал кулак, горько сожалел, что не посещал секции, а в ушах так и шипело: «Русские свиньи!» Иринка, прячась за моей спиной, показывала в темноту. Там у шикарного белого джипа стояли ещё четверо.

- Понимаешь, их много, у них связи. В конце концов, это клуб отца Расима. А это их коттедж, - Иринка махнула рукой в конец улицы. Там в голубоватом свете фонаря виднелась красночерепичная высокая крыша и облицованная натуральным камнем стена. Остальное великолепие тонуло во мраке. Вычурная цыганщина на месте старого пятистенка отцовского детства.

Нет, нормальных вариантов разрешения этой ситуации изначально не предвиделось. Выставить себя на посмешище перед любимой девушкой, каково? А отдыхать в кустах с проломленной макушкой?

Иринка, милая моя Иринка заняла мои губы делом более приятным, чем разговоры. Заняла мои мысли, вытеснив все посторонние. Заставила крепче обнять себя и увела с крыльца клуба.

Август густо намешал в воздухе чёрной гуаши. Светились лишь несколько фонарей, едва освещая коньки крыш и верхушки тополей. Над деревней стояла странная тишина. Не лаяли собаки, не трещали цикады и кузнечики. Или я просто оглох от этих «Эндшпилей».

Мы долго целовались на лавочке у соседнего дома. Очень не хотелось её отпускать. Но она пообещала пойти завтра со мной. Даже не спросила куда и зачем. На прощанье погладил прядку волос. Она в ответ чарующе прошептала:

- Спокойной ночи.

Хулиганка, как ночь теперь может быть спокойной?

Пробираясь по тёмным сеням в свой-Санькин чулан, я невольно подслушал разговор. У тётушки был гость. На кухне горел свет, какой-то мужик стоял в дверях.

- Ты всё ж своего предупреди. Жара вторую неделю стоит. Как бы беда не пришла. Поговаривают про вестников - перепелок.

- Да сколько можно уж, - тяжело вздохнула тётя, - Твари ненасытные, когда угомонятся?

- Что у них за цикл хитрый? До этого - в пятьдесят девятом и семьдесят шестом. Но всегда в августе, и что характерно - только в жару. И выбирают ведь кого? Тогда пленного немца, после Таисью-охальницу. Потом что-то долго не было.

- Аккурат до восьмого года. Когда Рудика, помнишь?

- А как не помнить. Упокой Господи, их...

Рудик!!!

В этот момент я нечаянно выдал свое присутствие шумным вздохом. Старик обернулся.

- А, Митька, здорово, - приветливо пожал мне руку, - Вымахал, жених. Вы с Иринкой-то смотрите, не балуйте. Она у нас - ох... - отмахнулся, - Бывайте, - кивнул тётке и, прихрамывая, побрел прочь.

Я стоял до фига ошалевший. Ещё бы! Миллион вопросов: Что может начаться? При чем тут жара? Что ещё за твари ненасытные? И главный, как ни странно: Рудик?

Тётя сердито выставила на стол сковороду с яичницей.

- Садись ужинать.

- Тётя Агнюш, а что может начаться?

- Засуха. Ешь.

- А что за твари?

- Саранча.

- А причем тут Рудик?

- Сам виноват. Нечего было на рожон лезть. Только и знал: пить да кулаками махать. Вот и получил... Ты бы не гулял допоздна, темно уж.

Нет, правдивых и вразумительных ответов я не дождусь... Рудик.

Странный парень со странным именем. Про него у меня одно-единственное, но яркое воспоминание. Он сидит на лавке у магазина, вокруг много пацанов и девчонок. Все странно одеты и... лысые! Мы с тёткой выходим с покупками, я оборачиваюсь и вижу, как солнце блестит на гладкой голове Рудика, играет на мускулистых, загорелых руках. На парне чёрная борцовка, армейские штаны и берцы. Жарко. Но его друзья и подруги одеты в нечто подобное. Девчонка, похожая на детдомовку, усаживается к нему на колени, закидывает руку на плечи. Агнюша тянет меня прочь: - Пошли-пошли, нечего смотреть...

Позже я узнал от Санька о бритоголовых. И о том, что эти динозавры ещё водятся кое-где, вдали от цивилизации.

Собственно, и Санёк ничего стоящего не помнит, кроме факта, что тот парень был ярым скином, даже «Майн Кампф» цитировал по поводу и без... А потом погиб. А пацаны поговаривали, что хоронили пустой гроб.

На утро тётка меня огорошила:

- Завтра едешь в город.

- Почему? - выдал я, офигев от такого вероломства Агнюши.

- По дороге. Это не обсуждается. Утром за тобой отец приедет.

- Теть Агнюш... - только и успел сказать я, как она торопливо вышла из кухни, всем видом давая понять, что разговор окончен.

Нет, мало того, что мои каникулы так внезапно решили кончиться, так ещё и тётя придумала выполнить пятилетку за день.

Кабачки собери, клубнику прополи, яблоки по ящикам уложи, лебеду у забора повыдергай, ну и так кое-чего по мелочи. А на улице, между прочим, тридцать пять и полный штиль. Племянника по-Пекински заказывали?

И что интересно, стоит мне закончить любое дело, так добрая тетушка тут же находит мне новое. Просто Золуш какой-то. Так, что к обеду я, и впрямь, был выжат и зол.

Иринка! Целую вечность её не видел. Пойду спрошу кое-чего. А эта ваша сухая малина подождет...

- Мить! - любимая бросилась ко мне на шею, не смыкая рук в резиновых, грязных перчатках, - Митя, меня увозят завтра в город, - всхлипывая, она уткнулась мне в плечо, - а сегодня бабушка работой завалила так, что на улицу не вырвешься.

Что-то мне это до боли знакомо. Даже грядка с наполовину прополотой клубникой.

- Милая моя, ну ты чего? Я завтра же вечером к тебе приеду, только адрес мне скажи?

- У меня родители строгие, нам не разрешат встречаться, - снова всхлипнула девушка.

- Ой, нашла проблему... Так, давай показывай, чего тут тебе нарезали, сейчас все сделаем и - на прогулку!

Прозрачно-голубое небо огромным куполом накрыло пожелтевшее поле. Уходящее за горизонт солнце, тянуло длинные тени от каждой травинки, от высоких колосьев, от наших фигур. Мы шли, взявшись за руки, по широкой песочной дороге, а солнце согревало наши спины.

Моя милая Иришка отправилась со мной, не спрашивая ни о чём. Умопомрачительно, согласитесь? Это какой уровень доверия?

Но я-то знал куда и зачем веду её.

Впереди, на самой вершине золотистого холма, лежали такие же золотистые соломенные катушки. Аккуратно сложенные пирамидой, они возвышались на фоне бледной лазури неба.

Соломенная куча нежно охнула, когда я, подтянувшись на руках, забрался на покатый бок первой, нижней катушки. Протянул ладонь Иринке, и она легко вспорхнула следом. На следующую катушку она просто взлетела, смеясь:

- Мить, она как будто живая, она дышит!

Истина. Девочка моя, как же ты права была.

Мы сидели на самом верху, свесив ноги, целовались до иголок в кончиках пальцев. А огромный, пушистый зверь под нами ворочался, вздыхал и охал.

Внизу тихо трещали кузнечики, издалека, от деревни доносились пьяные песни. Улицы дышали дымными хвостами топящихся бань. А мы сидели на вершине мира. И выше нас было только безоблачное, абрикосовое от заходящего солнца, небо.

Лёгкий ветер, который бывает лишь перед закатом, играл с волосами Иринки. Сдувал соломенные прядки на лицо. Тонкие и воздушные, словно струйки песка они скользили по её нежной коже, задевали длинные,

(потрясающе, но натуральные!) реснички, оставались на припухших от моих поцелуев губах.

Крышесносно.

Настолько, что пришлось взять тайм-аут. Обстановку разрядить. Достал телефон - немножко похвастаться своей галереей. Иринка прислонилась к плечу.

- Красиво снимаешь. Это на повороте, я знаю, это Пастушкин овраг!

- Ну и названия тут у вас.

Её волосы восхитительно щекотали мне щёку и шею, пока она разглядывала мои фото.

- А меня? - она чуть отстранилась, слегка прикусила губу.

А мне снова неудержимо захотелось поцеловать её.

- Лучше видео... - я отвлекся на переключение настроек, но, по-моему, она согласно улыбнулась. А я пока старался не поднимать глаз, копаясь в телефоне и умиряя панику в рядах моих гормонов.

Все намного проще, когда между вами экран. Можно снова беззаботно шутить, смотреть друг на друга, дразнить...

Ох, не знаю, смогу ли я после смотреть это видео. Самая красивая девчонка на свете, улыбается так, что у меня руки и ноги отнимаются. Серьёзно. Её волосы светятся в вечерних лучах медными искрами. На нежной коже мелкие веснушки - брызги охры. Её взгляд... Где её учили так смотреть? Сейчас все мои настройки безопасного режима слетят к чертям.

Фуф, Иришка забирает у меня телефон.

- Моя очередь, - коварно улыбается она, отворачивается, непринужденно разглядывая через камеру окрестности, бросает через плечо: - а то ты сейчас перегреешься.

Нахалка.

Я закрываю глаза и откидываюсь на спину. Тону в огромном теле соломы. Оно двигается, дышит со мной, бьётся в ритме сердца. Становится моим сердцем. А на его крутом склоне сидит, болтая стройными ножками, Иринка.

И солнце тоже, как и я, опрокидывается за горизонт, тонет в огромном теле неба. Покрывает землю сумеречной вуалью.

- Мить, а у тебя какие-то фильтры стоят? Дополненная реальность?

- Чего? - резко поднимаюсь я, заглядывая в экран.

Странная картинка. Нечёткая в набегающих сумерках.

Внизу на дороге стоит в упряжке лошадь. Сзади телега с каким-то грязным тряпьем. На козлах сидит старик и отчаянно машет нам.

Вытыкаюсь из экрана, чтоб рассмотреть его получше.

А дорога пустая... Кусты, деревья, скатившаяся со склона катушка соломы - всё на месте. А старика с лошадей нет.

Иришка, прикрыв рот ладошкой, шепчет:

- Ты тоже его не видишь?

- Не-а.

Смотрим через камеру. Старик на месте. Махать нам перестал, глядит прямо и вверх, будто чего-то ждет. Застыл. Вздогнул. Лошадь неестественно прогнулась, повисла на оглобле, по её спине стали расплзаться тёмные пятна. Затем и старик медленно осел, склонил голову и из-под бороды его закапала чёрная, тягучая жидкость.

И прежде чем Иринка вцепилась мне в плечо ледяными пальцами, старик и лошадь исчезли с экрана телефона.

- И что это было? - губы моей любимой дрожали.

- Мираж. Параллельную реальность пробило. Коллективный глюк. И у телефона тоже - приколы китайских коодевелоперов, - моё последнее предположение немного разрядило обстановку. Иришка даже чуть улыбнулась.

- Дай-ка, я ещё раз гляну, - я протянул руку, но Ира снова моментально помрачнела.

- Я не снимала, - прошептала она почти без звука.

Сожаление Вселенских масштабов. Трансцендентное.

- Я просто смотрела через камеру, - в голосе тонна вины.

Я снова навёл объектив на дорогу, перевёл на лес, потом к деревне, на поле позади, но никаких артефактов больше не попадалось. Ну да ладно. Спрошу у Агньюши.

Сумерки совсем скрыли деревню под горой. Но здесь, наверху пока ещё было светло. И тепло. Впрочем, холода я бы все равно не почувствовал.

Снова на экране лицо любимой. Улыбка, чарующий взгляд... А, к черту всё...

Я смог только отложить телефон, даже камеру выключить не успел. Хотя экран заблокировал? К чёрту. Тут вообще ни о чем думать не получается. Иринка лежит в моих руках, прижимается. И я чувствую её всю.

- Митя, пожалуйста, - шепчет она и запускает руки мне под футболку.

Нет, милая моя девочка. Я и сам на грани. Но я хочу немного больше, чем просто кувыркание в соломе. Это серьёзно.

Только тело лучше знает, чего хочет.

Она судорожно вздыхает, когда оказывается подо мной. И уже мои руки по-хозяйски гуляют по её нежной коже. А губы ни на миг не могут оторваться от её губ.

А она сквозь поцелуи пытается что-то сказать. Я слегка отстраняюсь.

- Митя, телефон, - шепчет она.

А я не нахожу его взглядом.

- Похоже, ты только что смахнул его вниз, рукой.

Я отпустил девушку, склонился над щелью между двумя катушками, шириной пальца на три. Из тёмной, паутинистой пропасти на меня пахнуло прелым запахом старой соломы.

В висках стучало и шумело. Но сквозь неровное дыхание я услышал какое-то движение там, на дне. Что-то прошуршало в глубине и следом (клянусь, мне не послышалось!) донеслось тихое, довольное хихиканье, даже скорее похрюкивание. Словно кто-то предвкушал сытный ужин.

Иринка склонилась ниже, подсвечивая фонариком своего телефона в темноту. Опустила руку, но я её быстро выдернул. Мне совсем не понравились эти звуки снизу.

- Не надо, я утром его найду. А сейчас пошли домой. Темно и холодно.

Пока мы шли до деревни, стемнело окончательно. Я старательно смешил Иринку, изображая бестолкового, неспособного запомнить её городской адрес. Но она не смеялась. И причина понятна. Во-первых, сегодня мы оба постояли (ха! полежали) на краю, а во-вторых, из головы не выходил этот старик на дороге. А ещё, и это огорчало меня самого, я пока не представлял, как буду доставать мой телефон.

Уснуть не получалось. Острое, нестерпимое желание снова обнимать и целовать Иринку, сменялось навязчивыми мыслями о разных, фантастических способах достать телефон. И только я проваливался в беспокойный сон, в ушах снова звучало это ехидное, жадное похрюкивание, заставляя открывать глаза и пялиться в темноту потолка. Может акустика старой соломы так извратила обычный мышинный писк?

Во рту пересохло, и я вышел в сени, сделал пару глотков прямо из ковшика и спустился на крыльцо немного подышать.

В воздухе стоял тяжёлый, душный запах прелой соломы. Словно ту огромную кучу раскидали по всей деревне. В поле надрывались перепела,

рекомендовали всем спать, но сон окончательно выветрился из головы. Во мне поселилась тревога.

Я вспомнил. В ту далекую ночь, когда что-то случилось с Рудиком, с полей так же слышалось тревожное «спать-пора». И именно эти звуки пугали Агнюшу:

- Да что ж вы, сволочи, раскудахтались-то не вовремя, август ведь уже.

Да, перепела кричат в июле.

В конце улицы визгливо залаяла собака. Лай быстро перетек в жалобный скулёж и все стихло.

Я постоял еще немного. Тишина вновь посыпалась с тёмного неба бесконечным потоком. Звезды перемигивались, мерцали, а огромный бархатно-чёрный купол медленно поворачивался над головой.

Но во всей этой тишине чувствовалась неизбежность беды. Напряжение в воздухе, как перед грозой.

Засыпая под ужасно толстым и жарким одеялом, я снова вспомнил про кота. Агньюшиного любимого Тихона. Его загрызла соседская собака.

Я помню, как стоял у забора. Оцепеневший и растерянный. За сеткой рабицей на спине лежал наш кот. Он не успел найти спасительную лазейку. А Динка, огромная серая дворняга, с жадностью чавкала окровавленной мордой у него в животе. Тишка безучастно смотрел в небо изумрудными, тускнеющими глазами. Он по-заячьи сложил передние лапки, словно всё ещё пытаюсь прикрыться. Динка урчала и фыркала, вгрызаясь в мягкое кошачье нутро. От её движений тело кота содрогалось, и он словно поглаживал лапкой Динкин нос. Словно разрешал ей есть себя. Добрый, ласковый Тихон. Безвольный и бесхарактерный.

А потом, когда сосед дядя Рома отогнал Динку, я увидел внутренний Тишкин мир.

Вилд нэйча, как говорится. Но мне хватило... Больше не хочу.

А кто меня спрашивал?

Утром пришел туман. Густой, кремовый, со сладким привкусом дыма... и соломы. Не дожидаясь, когда проснется тётушка, я отправился на поле.

Деревня еще спала, сладко посапывали старинные дома за прикрытыми ставнями, тупо пилились невидящими, чёрными провалами пластиковых окон новые коттеджи.

За деревней туман ещё больше сгустился, стал желтоватым, плотным, словно осязаемым. Я поднимался в гору по дороге, видя лишь на три шага

вперед. В пересушенной пыли я различал следы своих кед, Иришкиных босоножек - туда и обратно, кое-где они прерывались сетчатой лентой от проехавшей после машины, иногда колею пересекали следы, похожие на длинные веточки с мелкими листочками - отпечатки хвостиков и лапок ящериц.

Чем выше я поднимался, тем гуще становился туман. Вскоре я мог видеть только то, что прямо под ногами. И если бы не дорога, я бы уже давно заблудился. Мне начали попадаться и совсем странные следы: отпечатки маленьких кривых ножек. Я сам так делал в детстве: прикладываешь кулак ребром - получаешь отпечаток ступни, сверху дорисовываешь пальцы - готов следок карлика. Очень хорошо получались такие штуки на замёрзшем стекле маршрутки. Но кому и зачем потребовалось рисовать их здесь, в пыли, да ещё и в таком количестве. Следы, то прятались в придорожной стерне, то высыпали на дорогу - много, в разных направлениях, словно их обладатели танцевали странные танцы.

Как стая мелких хищников, типа шакалов, перетаптывается перед нападением.

А на другой стороне дороги отчётливо виднелись следы волочения. Кто-то тащил в гору тяжелый груз. Останавливался, отдыхал и снова тянул. Странный груз, оставляющий две неглубоких борозды. Кто-то с птичьими лапами вместо ног...

На плечи мне тут же уселась тревога. Вспомнились «вестники-перепелки» Иришкиного деда и Агнюшины «твари ненасытные». По спине пополз противный страх, снизу-вверх, цепляясь за плечи, перехватывая горло когтистыми лапами. Вспомнился убитый старик на дороге, что попал в объектив моей камеры. В каком мире и времени он существовал? Вспомнились детские страшилки о пропавших без вести в густом тумане... и странное хрюканье в соломенной «пещере».

Так, мне надо взять себя в руки и добыть телефон. Вернуть своего китайца с офигенной камерой... и бесценным видео на флешке.

Знал бы я, что там за видео...

Впереди тёмной громадой выросла соломенная туша. Её очертания проступили сквозь туман силуэтом мёртвого древнего ящера.

А позади него уже распускались игольчатые, белые лепестки восходящего солнца. Под теплыми лучами туман растаял на глазах. За одну минуту просто скатился вниз с горы, забрав с собой все мои страхи.

У подножья были раскиданы пучки соломы и обрывки белой ткани. Странно, но ещё вчера вечером это поле было чистым. Я помню, как стоял внизу и ловил Ирину, что легко скатывалась, словно с горки.

В тёмной расщелине между катушками лежал мой телефон. Он удачно вписался враспорку, не долетев до земли сантиметров пять. Экран был цел, это я заметил сразу, ещё даже не достав его. После, повертев в руках и не обнаружив ни одной царапины, расслабился. Разблокировал экран. Надо же, камеру выключить успел. Значит и последнее видео сохранилось. Ох, там Ирина такое сказала... Пока смотреть не буду, тем более заряда хватит минуты на две. Странно, аккумулятор довольно ёмкий, а тут, как будто он всю ночь... ну не знаю... вай-фай искал?

И ещё страннее тот безумный слалом, что он проделал, провалившись где-то в центре кучи и вынырнув наружу у самого края. Повезло?

Я обошёл соломенного зверя по кругу, прикидывая расстояние, и осознавая, что телефон, ни при каких обстоятельствах, никак не мог вывалиться наружу, да ещё так виртуозно. Некоторое время я стоял, задрал голову и переминаясь с ноги на ногу, пока не почувствовал под подошвой что-то липко чавкающее. Я опустил взгляд...

С горы до деревни я просто летел. Прыжками в три шага, не разбирая дороги, глотая воздух через раз. Только свернув в проулок, перевел дух.

На моих кедах ещё остались чёрно-коричневые от пыли следы той кровавой жижи, что я увидел у подножья. Овальная, длиной в половину моего роста, там, на земле маслянисто блестела лужа крови. В ней лежали какие-то желтовато-розовые лохмотья, похожие на старое тряпье... Нет, больше всего это походило на то, что какого-то довольно крупного животного растерзали и съели, целиком, с кожей, кишкам и костями, оставив лужу крови и подкожно-жировую...

Меня вывернуло наизнанку.

На ватных ногах я спустился к роднику, умылся, вымыл обувь, снова умылся и долго держал руки в стывшей воде. Очень долго, пока они не застыли до локтей.

Пошатываясь, я пошёл к дому. Позади затормозил автомобиль. Хлопнула дверца, и я обернулся.

- Мить, как хорошо, что увидела тебя! - моя девочка остановилась в паре шагов, взглядом предостерегая от объятий и поцелуев, - Митя, ты нашёл телефон? - на лице её появился испуг, - Ты такой бледный. Что-то случилось?

Я попытался ответить на оба вопроса сразу и смог только помотать головой, но не уверен, что жест мой выразил хоть сколько-нибудь понятный ответ.

- Митя, - добавила Иринка серьезно, - я тебе позвоню, как только будет можно. Тогда договоримся, - она пугливо обернулась на водителя (вероятно, того самого строгого отца), что нервно барабанил пальцами по рулю, - договоримся о встрече, - прозвучало очень тихо, и ещё тише: - люблю тебя, мой соломенный герой.

- И я тебя... - хоть что-то получилось ответить.

На ближней улице у коттеджа Расима стояли две полицейские машины. Чуть поодаль - гелик, лексус и какие-то громоздкие, неидентифицируемые китайцы. Тут и там, растерянно озираясь и негромко переговариваясь, стояли мужчины, молодые парни - вероятно друзья Расима. Но его самого я не видел. Лохматая, седая старуха в цветастом грязном халате, заломив руки, что-то блажила на родном языке, то и дело мечась от полицейского к пузатому, степенному азеру.

Другой «при исполнении» допрашивал красивую девушку. Её чёрными, вьющимися волосами играл лёгкий ветерок, на бледном лице неестественной чернотой выделялись большие, испуганные глаза. Она зябко куталась в радужный палантин, кивая или пожимая плечами в ответ на бесконечные расспросы. Планшет в руках полисмена ходил ходуном, а голос его срывался.

В сенях меня встретила жутко встревоженная Агния.

- Ты где с утра шатаешься?! - это вместо традиционного «доброго утра». Точно, что-то случилось...

- А что там за столпотворение у дома Расима?

- Пропал, говорят. Ночью вышел из дома и пропал. А ты где был?! - снова накинулась она на меня.

Ответить я ничего не успел. С суровым лицом на пороге появился мой отец. И уже через пару минут мы укладывали в багажник мои вещи, наскоро собранные Агньюшей ещё с вечера.

Потом я долго сидел в машине, а Агньюша о чем-то говорила с отцом. Я заметил слёзы в её глазах и незаметно на полсантиметра опустил стекло.

- Витя, это они его забрали. Всё сходится: жара, август, перепела кричали три ночи подряд.

- Ну, не переживай так. Найдут они этого Расима. У них знаешь, какие связи. На уши всех поставят, но найдут... - голос отца дрогнул,

выдавая его сомнение в собственных словах. И Агнюша покачала низко опущенной головой. Они оба знали что случилось на самом деле.

И я теперь, кажется, тоже...

Отец молча сел за руль. Я видел, как побелели костяшки пальцев, как тяжелые, глубокие выдохи он выпускает через нос и изо всех сил пытается не выдавать своего волнения и страха. И мне захотелось уехать как можно скорее.

- Хочешь, до автотрассы поведу я?

Отец странно ласково потрепал мою макушку и вышел из машины. Не теряя времени, я перебрался на место водителя.

- Пап, я почему азеки такие злые? - вопрос сам сорвался у меня с губ. Я его и задавать-то, в общем, не собирался, но мне захотелось завести хоть какой-то разговор.

- Нет злых народов, есть злые люди.

Когда у отца плохое настроение, он всегда изъясняется подобными фразами. Поэтому я замолчал, обдумывая сказанное.

Машину я вел аккуратно, старательно объезжал ямы и камни. По правую сторону на вершине горы возвышалось золотисто-соломенное чудовище, а я не мог поднять на него взгляд. Я смотрел вперёд, на дорогу, что серой песочной лентой вилась меж двух холмов. Над выжженным жарой полем с тоскливыми криками кружили два ястреба. И солнце незаметно скрылось за грязно-пыльными облаками. А мне вдруг показалось, я знаю из какого времени был тот старик, что погиб здесь. Только на миг показалось... А веки вдруг стали неподъемно тяжелыми, и я закрыл глаза...

Первой беду почувствовала лошадь. Она резко встала, опустив голову и тяжело дыша. Старый дед-возница дернул было поводья, но тут уж понял, что всё напрасно.

Даже солнце вдруг спряталось в грязно-серых облаках, не в силах освещать то чудовищное действо, что вот-вот должно свершиться.

От далёкого гула заложило уши. Словно само небо в страхе прижалось к земле. И не успел немой старик-возница махнуть рукой в сторону соломенной кучи, как из пыльных облаков вынырнул чёрный самолёт и начал снижаться.

- Это не наш, - обречённо пропищал один из мальчиков.

- Бежим, бежим! - рявкнул старший, спрыгнул с телеги и попытался рывком стащить старика. Тот замычал, замахал руками, прогоняя его и остальных детей. Он безногий, на деревяшках не добежать. А у них ещё есть шанс.

Старик горько мычал, глядя, как малые, словно горошинки покатались по полю к огромной соломенной копне. Старший подгонял младших, следил чтоб никто не отстал.

Дед замолк, заворуженно уставился на низко летящий навстречу самолёт. По серой дорожной пыли затанцевали фонтанчики, цепочкой подбежали к лошади, прогулялись по спине, сминая хребет, оставляя чёрные расплывающиеся пятна на светло-бежевой шкуре. Старик едва охнул, встретив сгорбленными плечами смертельный дождь.

Мальчишка лишь на пару секунд обернулся, увидел, как неестественно поникла в упряжке лошадь, как дедушка сидит согнувшись пополам и из-под косматой бороды стекают тёмные капли. И с удвоенной силой рванул вперёд к спасительной серой куче.

Самолёт сделал круг. Вернулся как раз к моменту, когда малышня успела закопаться поглубже. Тихо, как мышки, сидели они, вдыхали тёплый запах прелой соломы, слушали тихое тиканье и похрустывание над ухом, переводили дыхание и успокаивали трепещущие сердечки.

С диким, чудовищным стрёкотом соломенную тушу прошила пулемётная очередь. Кто-то в страхе прижался к старшему. Кто-то, заглушая панику криком, рванул наружу. Кто-то зажмурился, тихо скуля. Зная, что пришло неизбежное.

Острые, горячие и стремительные, словно осиные жала, пули вспарывали пушистое брюхо копны. Врывались сквозь ветхое укрытие в детские тельца, пришивали к рваным ранам пучки соломы, смешивали с пылью кровь и слёзы. Останавливали неистово бьющиеся сердца.

Я шумно втянул ноздрями воздух.

- Митя, слава Богу!

Я полулежал на заднем сиденье, а отец, остановив машину, с тревогой смотрел на меня с водительского места.

- А как? Они не выжили? - выдал я, отчётливо ощущая во рту привкус крови и соломенной пыли.

- Кто? - нахмурился отец.

- ... так, приснилось. Пап, поехали домой?

Оказывается, меня вырубил минут на десять. По словам отца, я просто ткнулся в руль и перестал реагировать на внешние раздражители. Хорошо, что скорость была никакая. Папка перетащил меня на заднее сиденье и рванул в город. А тут сознание вернулось в меня.

До дома доехали быстро. Отец то и дело оборачивался, проверял моё состояние. Я чувствовал себя хорошо. Только вот на душе было тоскливо и жутко.

Уже поздно вечером мне позвонила Иришка. Попросила переслать ей фотки и вчерашние видео. А я удивился, что флешка у меня забита под завязку.

Странно, когда я успел шестьдесят четыре гига за... хм? Это при том, что основная часть фоток у меня в «туче». Облаком это уже не назовешь.

Скинул в комп. Даже не сразу понял, что это не минуты, а часы. Долго тупил, почему десятиминутный ролик весит, как десяток фильмов. Пока не решил посмотреть...

Одиннадцать часов и шесть минут. Шесть минут Иришкиной улыбки...

Так, значит, я не выключил камеру? Да ещё и на фронтальную перевел? Ткнул не глядя.

Телефон снимает темнеющее небо, а микрофон записывает Иринкино «Митя, пожалуйста».

Во я дурак... Но у меня же всё серьёзно.

А вот и моя вероломно-неуклюжая рука.

Небо моментально съехало куда-то в сторону, с булькающим шорохом за экраном мелькнули чёрно-серые тени. Тишина и темнота. Слабый отсвет - луч фонарика?

Всё? Одиннадцать часов темноты и тишины? И никакого, кстати, хрюканья.

Тогда... как мой телефон оказался снаружи?

Я осторожно, минуты по три, начал перематывать видео. Картинка не менялась. Ха, картинка. Великолепно-чёрный экран. Но вдруг эта чернота побежала едва уловимыми волнами. Или мои глаза от напряжения или со скуки решили устроить себе развлечение.

Нет, всё-таки картинка двигалась. В смысле, двигался мой телефон. Неведомая сила бережно и почти бесшумно качала его как на волнах. Ещё пара минут и телефон задрожал, яркими штрихами по экрану пронеслись белые огни, вернулись и застыли на месте. Огни фонарей далёкой деревни.

Камера уставилась в тёмное поле. Казалось, что время застыло в полной тишине. Я успел раз десять клацнуть по бегунку, когда наконец заметил движение. Что-то пронеслось мимо, шурша соломой и тихо похрюкивая. Неразличимый сгусток темноты. Ещё один. Ещё.

Камера слегка вздрагивала и через пару секунд с экрана на миг исчезали далекие огни. Что-то то и дело вылезало из соломы и быстро

скатывалось с холма в сторону деревни. Что-то зло и тихо посмеивалось, и тут же растворялось в темноте.

Телефон потрянуло так, что он съехал вниз ещё на пару сантиметров. С едва слышным похрустыванием мимо степенно прошагало что-то большое, высокое и тонкое. Его шаги зафиксировали поочередно гаснущие огни деревенских фонарей. Чехарда чёрных полос и далёких лучей на чёрном фоне.

В поле раскричались перепела. Наперебой они отправляли всех «подь-полоть» и «спать-пора». Но мне же слышалось в их криках «в-путь-пора» и «идем-карать». Издали донеслось жалобное повизгивание собаки. Перепела замолкли.

А ведь там, примерно под тем крайним фонарем стоит наш домик и я на крыльце. Слушаю тишину, вдыхаю удушливый соломенный воздух и, даже не подозреваю, что с поля на деревню надвигается нечто. То, что родилось в стогу соломы под фашистскими пулями. То, что раз в десятки лет просыпается от голода и жажды. То, что призывается изнурительной жарой, и сводит с ума перепелов. То, что забирает жертву, оставляя на месте пиршества клочки... Я закусил тыльную сторону ладони и впился глазами в экран. Чернота. И тишина. Я воткнул наушники, стараясь расслышать хоть что-нибудь. Но по правде, я совсем не желал слышать это. И видеть то, что уже увидел. Но обратной дороги нет, а пока «мишн не комплит» ещё страшнее. Этот хор лучше смотреть до конца.

Я снова и снова щёлкал мышкой вдоль узкой зелёной полоски на чёрном фоне. Все та же темнота и тишина. Нервы сдали, и я с психу ткнул почти в самый конец ленты.

Я увидел их. В редком пока ещё тумане из-за склона поднималась фигура, похожая на воздушного человека. Того самого, сшитого из ярких тонких тканей, что под напором воздуха в своём пустом теле танцует странные танцы на рекламных акциях... Только этот был песочно-серый и двигался тяжелее. Он медленно переставлял длинные, надломленные тростинки ног, руки, похожие на сушеные стебли, волочили по земле громоздкую ношу. Белые, пустые глаза смотрели прямо в камеру телефона. Рот - длинная, почти до середины тела, продольная щель, хищно приоткрывалась, выставляя напоказ чёрную гниль его нутра.

Захлебываясь слюной, хлюпая и урча, вокруг него суетились какие-то мелкие твари, будто небрежно связанные вместе охапки соломы. Под косматой гривой маслянисто поблескивали абсолютно чёрные, большие, круглые глаза и ниже плотоядно улыбался зубастый рот. Живые

соломенные кучки торопливо перебежали с места на место, путались под ногами у большого, сталкивались и, жутко хихикая, разбежались.

Только теперь я разглядел, что за ношу тащил высокий соломенный. Человеческое тело. И я уже точно знал кто это. Белая футболка Расима превратилась в грязные лохмотья с кое-где проступившими розово-пурпурными пятнами. Высокий цепко держал его запястья, тянул за собой. Ноги парня безвольно волочились по пыли.

Так вот откуда две неглубоких борозды на дороге.

Расим не сопротивлялся, а только жалобно мычал, поскуливал и плакал. Устало, обреченно, безумно. Один из мелких соломенных подбежал сзади, подхватил его ногу, облизал пятку и куснул. Кровь брызнула на соломенную шкуру. Тело Расима выгнулось, изо рта вырвался хрип.

«Сладкие персики» - пронеслось шорохом над полем.

Подбежали и другие, принялись слизывать кровь, смаковать, щурясь от удовольствия и ворчливо переговариваясь.

Высокий прошёл совсем рядом. Медленно, степенно, тяжело, волоком подтаскивая свою добычу. На теле Расима я увидел многочисленные укусы: длинные, глубокие, рваные.

Прямо перед камерой, с хрустом приминая высушенную стерню, прошагали птичьи лапы. Перепелиные? Только раз в десять больше. Их соломенный хозяин не просто держал Расима за запястья, его пальцы тонкими корешками проросли прямо в темнеющие под посеревшей кожей вены, пульсировали, словно миниатюрные помпы, перекачивали человеческую кровь в новое тело.

Он бросил его прямо напротив камеры. Словно специально, чтоб я всё видел.

И я видел. Видел, как на Расима набросились мелкие, всем скопом, урча и толкаясь. Слышал, с каким треском они разрывали его одежду, разбрасывая повсюду белые клочки. Слышал, как лопнуло что-то большое, с тугим хлопком. На соломенные спины и головы упали крупные капли крови. Твари чуть расступились и с жадностью захлупали каждый своим куском.

А я видел стекленеющие глаза Расима, небрежно раскинутые руки и ноги вокруг кровавой лужи, что осталась от его тела. Он словно приглашал: угощайтесь, ребята, мне не жалко.

Я вспомнил Агнюшиного кота. В голове зашумело, желудок перевернулся в животе и начал целенаправленно карабкаться к горлу. Кровь отхлынула от лица и по спине потекли капли ледяного пота, когда я

увидел, как один из мелких ухватил руку Расима и, с удовольствием, хрустя, начал откусывать пальцы, по одному, посасывая фаланги.

Согнуться в конвульсиях где-то под столом мне не дала ещё одна сцена.

Уверенно и торжествующе улыбаясь, к стогу подошёл один из соломенных, наклонился, со знанием дела разглядывая телефон. Улыбнулся окровавленным ртом, подмигнул мне и ткнул маленьким, коричневым пальцем в экран.

Он камеру выключил.

Часть II Файэршоу.

За окном пригородного автобуса мелькали насквозь прожелтевшие леса, буро-зелёные залысины пустых полей, садовые участки с огоньками переспелых яблок, забытых хозяевами на обнаженных яблонях. Усталое сентябрьское солнце заполняло белым свечением дали, пряча линию горизонта в туманном мареве. Кое-где от последних костров вырастали в блёклое небо серые дымные деревья.

А мы ехали в Михайловское.

Пару дней назад Иринка просто вынудила меня рассказать ей причину моего странного состояния. Ещё бы: не выпавшийся, дёрганный, дистимический. Пришлось не только рассказать, но и показать...

Для начала я включил ей ночную запись, это там, где жутковатый театр теней. Поставил на паузу на моменте замолкшей переклички перепёлок. И начал рассказывать предысторию...

- Ты хочешь сказать, что был там?

Иринка смотрела на меня широко распахнутыми глазами, пока я пересказывал ей увиденное на дороге во время моего странного обморока.

- Да, я словно был одним из них. Самым старшим.

- А дальше?

Я передвинул бегунок туда, где в рассветном белесом тумане из-за склона холма начали появляться соломенные во главе со своим вожаком. Иринка вцепилась в мою руку, не в силах отвести взгляд. Она тяжело выдохнула, узнав в жертве Расима. Я остановил видео на моменте, когда эти твари окружили парня.

- Дальше лучше тебе не смотреть. Ничего хорошего...

- Нет, я хочу. Иначе не смогу...

Я не стал спорить, молча кликнул мышкой.

И так не сможешь. Как думаешь, любимая, почему я не сплю уже вторую неделю?

Она досмотрела, зажмурившись лишь раз, когда один из соломенных выхватил у собрата кусок плоти, растянув розовое трубчатое ожерелье... кишечника?

- Но это же просто дети погибшие страшной смертью? - прикрыв до синевы бледные щеки, прошептала моя девочка.

- Дети...

- Ты видел с каким... лицом? ... подошёл один из них и ткнул в экран, - Иринка показала на телефон, - Он явно знал, что это и как с этим обращаться. Откуда? Он выключил камеру. А до этого... они установили её, словно профессиональная съёмочная группа. Значит, у них есть интеллект. И это пугает меня больше всего.

Да, есть огромная разница между жестокостью совершаемой бессознательными существами, и расправой, что учиняют разумные, расчётливые твари.

Не знаю в какой момент я согласился снова ехать в Михайловское. Моя супергёрл долго рассуждала об освобождении их несчастных душ, прекращении, раз и навсегда, этого кошмара. По её мнению, достаточно было сжечь ту соломенную кучу...

Ага, моя красота насмотрелась приключений братьев Винчестеров.

- Ирин, та солома сгнила полвека назад. Не думаю, что это файер-шоу будет иметь хоть какое-то отношение к нашим соломенным.

- Не месте посмотрим, - заявила моя Валькирия.

Пригородный автобус под номером маршрута «300-К» визгливо затормозил на знакомом повороте, с хлопком открыл двери, выпуская нас, и, оторгнув тёмное облачко выхлопов, рванул дальше.

И какому умнику пришла в голову мысль маршрут трёхсотым обозвать? Что-то мне вдруг сильно не понравился этот намёк судьбы. Ох, и зря я об этом подумал. Не надо было...

Восемнадцатая осень нашего молодого века выдалась на редкость тёплой и сухой. Стояло третье за сезон бабье лето. Мы спускались к деревне от автобусной остановки по песочной дороге. Невысокое солнце пригревало плечо через рукав, слепило глаза, размывая окрестности радужными бликами. Над деревней стоял густой, сладкий аромат спелых яблок и прелой листвы.

Хоть не соломы...

Мы прошли мимо старенького домика Агнюши. Я знал, что тётушка убрала огород и уже недели две отдыхает от трудов праведных в городе. Дом грустно посмотрел на меня белесыми тюлевыми глазами. Вся деревня будто вымерла. Тишина повисла в прозрачном воздухе тонкими поблескивающими паутинками.

На повороте, к пронзительно-прощальному запаху осени начал незаметно примешиваться сладковатый, тошнотворный душок гниения. Едва слышимое дыхание тёплого ветра приносило его от придорожного куста тальника. Там, в побуревшем, сухом сорнотравье, чуть присыпанная узкими, жёлтыми листочками, лежала мёртвая собака. Довольно крупная дворняга пыльно-серого, мышинного окраса. Она валялась, вытянув острую

морду под куст, а её облезлый, грязный хвост лежал почти на дороге. Задние лапы были неестественно поджаты к животу, словно она всё ещё пыталась отползти с пути. Несколько полусонных золотисто-зеленых мух нехотя взлетели, когда мы прошли мимо. Шкура псины на боках уже начала проваливаться, чётко выделяя рёбра и кости таза. Со стороны спины в песочной пыли чернела засохшая лужа крови. Ира потянула меня прочь. Да я и сам был рад оторваться от этого жутко притягательного зрелища.

Не знаю, что заставило меня резко обернуться через пару шагов... Собака вытянула ноги и снова подобрала. Таким судорожным движением, будто во сне. Я остановился, приглядываясь.

- Мить? - Иринка потянула меня за рукав.

Собака не шевелилась и выглядела абсолютно - железобетонно - мёртвой.

- Показалось, - мотнул я головой.

На поле перед соломенной кучей валялись обрывки бело-красной ленты. Интересно, криминалисты наверняка нашли здесь мои следы. А то, что я об этом вспомнил только сейчас, может значить лишь одно - то, что я вне подозрений. А еще - и это уже совсем хреново - местная полиция в курсе присутствия таких тварей на вверенной им территории.

Уф-ф ...

Ирина присела у подножья соломенной горы. Дрожащими руками достала из кармана зажигалку. Зубчатое колёсико с треском прокрутилось под пальцем. Ещё раз. Ещё. Даже искры не выбилось.

- Давай... - я перехватил её руку. Хотя сам до сих пор сомневался в эффективности нашей затеи.

Маленький огонёк слегка прикусил мой палец, и я пересадил его на сухие стебельки. По золотисто-серой поверхности катушки с тихим шёпотом безумца побежали прозрачно-розовые, тонкие лепестки, оставляя за собой чёрную полосу, быстро покрывающуюся белыми хлопьями пепла, старательно выедавая каждый сантиметр, скручивая былинки в серые хрупкие завитки. Огонь разрастался в тригонометрической прогрессии, во все стороны, моментально схватывая предлагаемые угощения.

Было что-то дико грандиозное в этом бесконтрольно-страстном, необузданном пиршестве. Ледяными иголками по спине прокатилось осознание момента потери контроля. Вот только что, секунду назад, ты мог остановить это, припечатав подошвой кроссовки, одним движением раздавив росток пожара. А теперь уже не приблизишься, руки не протянешь, пекло сожрёт тебя - своего создателя, и не подавится.

Иришка отступила дальше, оттаскивая меня за рукав. Я окинул взглядом дело рук своих. Куча полностью почернела, огонь ушёл на глубину, разведывать неизученные уголки этого соломенного мира. Между катушками вертикально вверх вырывался раскалённый воздух, плазменно-прозрачный, текучий. Из соломенного нутра слышался тяжёлый, натянутый

гул, упругими волнами вместе с жаром накатывалась ощутимая кожей вибрация воздуха. А потом повалил дым. Плотный, сизый и белый, серый и жёлтый, густой и разбавленный завитками прозрачного огня, снова пробивающегося на поверхность. Чернеющий с каждой секундой. Дымом не то что не пахло. Он просто заполнил нос и горло, протянулся по бронхам угольной паутиной и забил лёгкие комками саже-чёрного войлока.

С неестественным визгом из соломенной кучи прямо по моим кроссовкам пронеслась крыса. Она пробежала лишь полметра и, резко замерла, упала, вытянув лапки. Шерсть на её спине обгорела, а белесая кожа гладко поблёскивала, надуваясь изнутри сплошным огромным волдырём. Крыса тяжело дышала. Потом вздрогнула, глаза её закатились, поджав лапы, она опрокинулась на бок и застыла.

Над кучей до самого неба поднимался чёрный дым. Солнечный свет пропал, словно нас накрыли огромной прокопчённой чашей. В крошечной тьме, в дымных клубках разворачивал свои кожистые крылья древний огненный демон. Огонь теперь поднимался выше, свивался в гигантский вихрь, гудел и выл, словно дикий зверь. Кашляя, Иринка попыталась закрыться рукавом. Давно пора было уходить, но я не мог сдвинуться с места, очарованный могуществом стихии, что выпустил на свободу, всего лишь щёлкнув пальцами.

- Митя, - прошептала Ирина без звука, одними губами, и снова закашлялась, - надо... отойти...

Я только кивнул.

Медленно, шаг за шагом я отступал назад, не сводя глаз с исполинского костра.

- Как думаешь, теперь всё закончится? - с надеждой прошептала Ира, всё ещё покашливая от дыма, хотя здесь уже было сравнительно легче дышать. Щёки моей любимой были покрыты сажей, на лбу чёрная полоса и глаза до слёз красные. Красота.

Но вдруг я забыл обо всем на свете.

Позади Иринки, опустив голову и припав на передние лапы, оскалила пасть та самая ДОХЛАЯ собака. В дымных сумерках видимость стремилась к нулю, но я точно узнал её. Мышино-серая, с длинным, грязным хвостом и острой мордой. И провалившейся сквозь рёбра шкурой...

Псина не сводила с меня жёлтых глаз, пронзительно-глубоких, словно далёкие прожектора в ночи, и глухо рычала. Иринка спряталась за мою спину, а я вдруг вспомнил, что при нападении собаки её нужно сильно ударить по носу. И сейчас меня особенно интересовало, сработает ли это с собакой-зомби...

Эй, что за дешёвый треш? Я дыма надышался?

Но собака не нападала. Убедившись, что мы смотрим на неё, она повернулась в сторону дороги. Села на задние лапы и завyla. Её протяжный, тоскливый вой поднимался вместе с дымом до самого неба и

тяжёлой волной скатывался вниз, превращаясь в глубокий инфразвук. Хтонический гул.

Внизу на дороге и на поле метались тени от неведомых тёмных тварей, что бесновались на высоте, в чёрных дымных облаках. Их огненные глаза гасли и загорались вновь, пропадали и появлялись с каждым новым вихрем искр, взлетающих в непроглядное чёрно-графитное небо.

Собака резко оборвала этот жуткий вой, словно по команде, и рьяно бросилась вниз по склону холма. И пропала в зарослях придорожного бурьяна.

Сквозь эту дымную мистерию на дороге внизу проступили знакомые очертания. Я быстро достал из нагрудного кармана телефон. Навёл камеру.

Так и есть. Лошадь с телегой. На козлах - старик, позади на телеге человек десять детей. Худой парнишка словно жонглирует чем-то...

Это сквозь камеру. А наяву (хоть я и сомневался, что здесь явь) только те же неистовые танцы теней в пропитанных сажей сумерках.

Но через экран, через десятки лет назад, я отчётливо видел всю картину.

Там пока ещё светит солнце. Вот старший протягивает что-то чумазому мальчишке, следом тянутся ещё ручки, светловолосая девочка смеётся, прижимается к его плечу. Возница оборачивается и по-стариковски, по-доброму трясет головой, кивает.

С испуганным вздохом ко мне прижалась Иринка, заглянула в экран. И достала свой телефон.

- Стой здесь. Смотри. Только не отводи камеру, - почему-то прошептал я и на негнущихся ногах начал спускаться с края холма. Я держал телефон перед собой, стараясь смотреть туда, в солнечное прошлое, а не на сумрачно-дымное настоящее. Там, точнее - тогда, перед дорогой рос куст. Я прошёл сквозь него, словно персонаж сырой компьютерной игры - невозможно, напролом, сквозь текстуры.

- Эй, привет, - позвал я ребят, поравнявшись с телегой. Хотя уже догадывался, что они не видят меня. Помахал рукой перед носом у старшего. Ноль реакции и на экране телефона моей руки не было...

Я обернулся.

На вершине холма стояла Иринка. Ветер трепал её волосы, цветной шарфик, расстегнутую куртку, но она кажется ничего не замечала. Она только то и дело переводила взгляд из прошлого на экране, в настоящее в реале. А я, наверное, довольно забавно выглядел - хожу тут по дороге в дыму, руками размахиваю... Только никому не смешно.

- Митя!!! - закричала она, - Митя! Самолёт, - и показала на небо с северной стороны. Я навёл камеру. Сквозь пыльные облака я увидел чёрный крестик, даже услышал слабое гудение из динамика телефона и далёкий приглушенный писк: «Это не наш».

Солома догорела, треск и гул утих. Дым рассеивался, только серый

пепел кружился в светлеющем воздухе. Телега остановилась впереди, в пяти шагах. А позади из кустов, все также низко пригнув голову, выбралась серая собака. Она остановилась в паре метров, пристально смотря на меня двумя жуткими серно-жёлтыми фонарями глаз. Сквозь меня...

Я обернулся. Через экран телефона я увидел, как кто-то из мальчишек заметил её. Зачарованно он смотрел на псину. Опустив руку, приманивал её, тихо насвистывая.

Чем светлее становилось настоящее, тем сильнее сгущались сумерки в прошлом. Паренек не обращал внимания на приближающийся самолёт, продолжал подзывать собаку.

Выглядела она, кстати говоря, теперь живее всех живых, в самом хорошем смысле слова.

Выбрав момент, псина невероятным по высоте прыжком рванула ко мне, выхватив из руки сотовый. С перепугу я выпустил его и не смог даже пошевелиться, глядя как серая дрянь уже вложила мой телефон в руку тому пареньку. На моей ладони остались только мерзкие, желтоватые капли слюны.

Стоп... Теперь я вижу их в реале. Без камеры. И они меня, кажется, тоже...

Тот паренёк повертел в руке телефон, удивленно глянул на меня, хотел было уже окликнуть остальных, но вдруг оцепенел, заметив самолёт. Я бросил взгляд на вершину горы. Кучи соломы там не было. Я видел, как беспомощно озираются дети в поисках спасения и осознавал, что сделал только хуже, когда сжег солому. Невероятно, но вместе с той, нашей кучей, сгорела и эта - полувековой давности. Я лишил их надежды.

Теперь на меня смотрело не меньше десяти пар испуганных глаз. А самолёт был уже совсем близко. От его тяжёлого гула заложило уши, и сердце рухнуло вниз, ломая переборку диафрагмы и обрывая все нейро-сосудистые провода внутри. От страха я перестал чувствовать руки и ноги.

Дальше тело действовало само. Я не знал, что и зачем я делаю, будто что-то вело меня. Я поднял пустую руку, так, как если бы в ней был телефон и поднес к глазам. Паренек на телеге повторил моё движение. И только в голову успела прийти идиотская мысль, что я, наверное, фигово вписываюсь в фокус, (а вот Иринка за моей спиной - замечательно), как воздух вокруг потемнел. Телега, лошадь и старик с ребятами словно растворились. Какая-то сила швырнула меня на землю. В чёрном небе я увидел пролетающий прямо надо мной самолёт. Услышал чудовищный стрёкот и почувствовал удар горячей боли в правое плечо. В паре сантиметров от моей головы цепочкой протанцевали песочные фонтанчики. Руку нестерпимо заломило, она словно стала огромной, неприподъемной.

Ха, отяжелевшей на сколько-то грамм свинца... Вот чёрт, как же больно быть трёхсотым... - пронеслась в голове мысль и всё окончательно потемнело, остались лишь звуки и ощущения.

Сквозь гул и рокот мотора я вдруг услышал чужую, но странно понятную мне речь и почувствовал сильную тряску.

- Герр Ганс, куда ты стреляешь? Патроны в дефиците, а ты потратил их на... - дальше я не разобрал слов, услышал нервный смешок и новый голос: - Я точно видел телегу с людьми, а потом они пропали, исчезли.

- Ганс, который вылет у тебя?

Снова полубезумный смех, невнятный ответ.

- Вот то-то и оно, тебе пора провести денёк в компании фрау Зоси и шнапса. Ганс, ты слышишь?

Но я уже не слышал немцев...

Я слышал нежный и звонкий голос любимой. Она говорила спокойно и в то же время требовательно:

- Да, отдай это мне... Не бойся, просто верни мне эту вещь. Вот так, да, протяни руку...

Наплывающие откуда-то, словно из-под подушки, голоса:

- Откуда она взялась?

- Куда делся тот мальчик?

- А самолёт?

- Почему так тихо?

- Где же собака?

Вот точно! Где эта чёртова собака? Трансмиттер, блин, полудохлый.

Рука, как ни странно болела всё меньше. И я, кажется, начинал понимать, что произошло. Каким-то невероятным образом, меня и ребят на телеге поменяло местами в тот момент, когда собака передала телефон им. Они исчезли (или исчез я - тот ещё вопрос) как раз, когда я появился на экране телефона. А паренёк по незнанию наверняка скользнул пальцем по экрану и выключил камеру.

И где теперь я?

- Митя, - голос Иринки срывался на плач, - Митя, я вижу тебя. Ты можешь встать? Ты слышишь меня? Кивни, если слышишь.

Я с трудом сел в полной темноте, отчаянно затряс головой.

- Найди собаку, - я не услышал своего голоса, коснулся пальцами губ, чтобы убедиться, что они двигаются. Странное ощущение ватно-огромного тела. Одновременно и губы, и пальцы были словно чужие, как после заморозки у стоматолога.

- Найди собаку! - почти прокричал я.

- Я слышу... я слышу тебя через динамик.

- Отдай собаке... мой... телефон, - до чего оказывается сложно говорить, не слыша самого себя, - она должна принести его мне.

- Митя, - в голосе нехорошие ростки истерики, - я нигде не вижу её!

- Ириш, спокойно, всё хорошо, мне просто позарез нужен мой китаец, - я попытался улыбнуться непослушными губами, пялясь в абсолютную темноту, туда, откуда доносился голос любимой. Выглядел я, верно,

жутковато. Иринка сдавленно всхлипнула:

- Сейчас, я попытаюсь...

- Ир, погоди, - пока от тебя ровным счётом ничего не зависит, в голове созревают нестерпимо важные вопросы, - А что с ребятами?

- Они живы. Я вижу их через свой телефон. Испуганно оглядываются, а лошадь никак не хочет двигаться... Митя, я нашла собаку. И она там, с ними... на телеге.

- Она может видеть тебя. Позови её, помани... Помани телефоном.

Мне оставалось только догадываться о происходящем. И странно, но Иринку я больше не слышал.

Только те же приглушенные голоса:

- Куда ты?

- Она сбегает!

- Держи крепче.

- Ну хорошая моя, останься, будешь моей собакой.

- Она вырывается, держи её за шею...

- Ай, кусается!

- Отпускай, пусть проваливает!

- Жалко... Не пушу!

- Эй, куда она пропала?!

Голоса тоже вдруг пропали. Осталось прерывистое дыхание, переходящее в хрипы, тяжёлые вдохи. Все громче и отчётливей. Ближе и ближе, словно загнанный зверь бежал ко мне из последних сил. В непроглядной темноте зажглись две сернистых искры. Далёкими, крохотными точками засветили для меня надежду. Через бесконечность неизвестного времени эти огни превратились в собачьи глаза, а в ладонь мне ткнулся холодный и шершаво-сухой нос. Впрочем, я всё ещё не был уверен в достоверности получаемых ощущений. В темноте я смог ухватить знакомую гладкую тяжесть телефона и сразу нащупал кнопку сбоку.

Я включил его, но ничего не произошло. Свет от экрана бесследно рассеивался в окружающем мраке, не высвечивая ни одной детали моего окружения. Я направлял камеру перед собой, поворачиваясь во все стороны. Эффекта не было, я даже не видел своей вытянутой вперёд руки.

Собака тяжело дышала, привалившись к моей ноге.

- Эй, ты знаешь путь обратно? - я наощупь запустил пальцы в её шерсть на загривке, старательно убеждая себя, что она всё ещё выглядит как обыкновенная живая собака, такая, какая запрыгнула на телегу к ребятам.

Собака недовольно заурчала, принялась медленно подниматься. Дождалась, когда я встану и также медленно двинулась вперёд. Хотя не мне судить о направлениях в этом пространстве.

Вскоре я увидел свет на экране. Солнечное ослепительное сияние над пустыми полями, блёкло-голубое небо и даже синюю дымку соснового леса

где-то у горизонта. Я медленно поворачивался, держа камеру на уровне лица, пока не увидел испуганно рыдающую Иринку. Одной рукой она также держала телефон с **ВКЛЮЧЁННОЙ** камерой, а другой вытирала слёзы. И как только фокусы совпали, я смог сделать шаг из темноты к свету. Собака вышла за мной и тут же упала. Её шкура моментально осела, провалилась, выделяя все кости. А через пару секунд и вовсе рассыпалась серым пеплом.

Нестерпимо заныла рука, обессиленно повисла и я уронил телефон. Но это уже было неважно. Иринка обнимала меня, поливая слезами **ЩЁКУ** и шею.

Я снова чувствовал **ВСЁ**: тёплый ветер с лёгким, сладковатым запахом дыма, нежные руки любимой девчонки, вытирающие мои **ЩЁКИ** от её, все ещё горячих, слез, резь в глазах от яркого солнца или от избытка чувств. Я ощущал себя, ясно и полно. И это было потрясающе. Даже боль в простреленной руке.

- Мить, - Иринка отстранилась, разглядывая мой пропитанный кровью рукав, - может скорую вызовем?

- Да, конечно, и будем долго объяснять в полиции, откуда огнестрел.

Мы снова ехали на трёхсотом и теперь это меня сместило до совсем девчачьей истерики. Трёхсотый трёхсотого везет. Видимо, давал о себе знать эндорфиновый передоз. Рука чуть поднывала, но мы перевязали её Иринкиным шарфом и им же подвесили мне на плечо. Супермодный в этом сезоне шифоновый бандаж от Гуччи. Почерневший рукав мы заправили внутрь. Так что я теперь - однорукий бандит. Совсем без палева. Что? Глаза безумные? Говорю же - передоз у меня... А может, солома конопляной была?

Вот хорошо же **ВСЁ** было, весело. На этом можно бы и остановиться. И зачем я **ЗАВЁЛ** этот разговор?

- Как думаешь, теперь **ВСЁ** закончилось? - поворачиваюсь к Иринке, лихо подмигивая, - Они ведь остались живы!

- Остались, - моментально мрачнеет моя девочка, - и научились камерой пользоваться...

Часть III. Здесь громко пахнет солнцем.

А знаете, я ведь не выбросил ту флешку... Только вот картридер для неё, спустя десять лет, днем с огнём не сыщешь. Она просто лежит в углу ящика стола среди прочего хлама, трофеев и не совсем трофеев моей юности.

С чего я вспомнил про неё? Санек вчера позвонил и позвал в деревню. Мой брательник уже успел обзавестись женой и дочкой. И в это лето решил отдохнуть пару недель в Михайловском. Отпуск на свежем воздухе... Ага, в заросшем бурьяном огороде и избушке-развалюшке. Нет, а чего ещё можно было ожидать. Тётушки не стало той же зимой после моего незабываемого лета. И с тех пор никто в родном краю не появлялся.

Видать Сашку ностальгия замучила. Да, у него таких приключений не было. И видео я ему не показывал.

А по чесноку, знаете, ничего и не приключалось. Абсолютно. Никаких сверхъестественных историй. Мистических исчезновений людей. Жутких расправ на поле у соломенной кучи... Я наводил справки. Тогда, по осени прошерстил Интернет, полазил в полицейских архивах, не без помощи одного доброго и отчаянного друга - повелителя цифровой стихии... Ничего. Единственное доказательство было на моей - неоткрываемой теперь - флешке.

А по сводкам ДПС Расим разбился на машине в районе Вороньково.

По Рудику информации я не нашёл. Слишком мало помнил для эффективных поисков.

Короче, я согласился приехать в Михайловское, помочь привести дом в более-менее жилое состояние перед приездом двух Санькиных принцесс.

Я согласился, потому что моя память начала вытворять безумно странные вещи, подкидывая мне воспоминания событий, которых не было. Но и то, что было на самом деле, я не забывал...

А, не грузитесь, расскажу все не месте.

Я согласился, потому что в этом году август снова был сухим и жарким.

Мы выехали поутру. Разноцветные высоты окраин сменились старомодными коттеджами, быстро одряхлевшими таунхаусами, потом сверкающими на солнце оранжерейными поселками. А за ними - бесконечные, до горизонта, жёлто-сиреневые поля агрофоры - светоча консортно-пищевой промышленности.

Чем дальше от города, тем больше попадалось нормальных деревьев, неискалеченных постоянными выбросами СОРа.

Шоссе стелилось под колёса темной лентой асфальта с грязно-розовыми прямоугольниками полимера. Чудовищное сочетание современных технологий и допотопного принципа ямочного ремонта дорог. Как говорится, на что хватило денег. А уж поворот до деревни даже о ямочном ремонте не слышал. Похоже, те же самые колдобины объезжали ещё мы с отцом, тогда, в то лето...

Кстати, вот вам первый пример искусственных воспоминаний. Я как будто помню, что именно здесь, на повороте, в день моего отъезда стояли бабушка с внучкой, ловили попутку до города. Я был за рулём и хотел притормозить, посадить их. Отец не разрешил, как-то испуганно рывкнул на меня, чтоб я не смел... И я проехал мимо. Чуть голову не свернул, разглядывая девочку, которую держала за руку древняя, сторбленная старуха. Девчонка была одета в ярко-белое, светящееся на солнце платье. И сама вся светилась. А на лице двумя абсолютно-чёрными провалами зияли неглаза...

Вот как я могу помнить эту ерунду, если я почти до самого города

валялся в отключке и смотрел жуткое кино про гибель детей в соломе?

Санёк остановился у местного магазина, ничуть не изменившегося за эти десять лет. Я по привычке повёл запястьем, ища на входе рамку считывания.

- Оллпэй здесь не работает, расслабься, - рассмеялся Санька, вталкивая меня.

- Ещё скажи, они только налик принимают, - буркнул я, оглядываясь.

Нет, честное слово, машины времени существуют. Существуют внутри таких вот маленьких деревенских магазинчиков. Зашёл из двадцать восьмого, оказался в восемнадцатом. Колбаса и сыр без мезовакуумной упаковки, конфеты и печенье, фасованные в обыкновенный полиэтилен, буханки ржаного, резанные половинками и даже яйца внутри точно таких, как и раньше картонных ячеек.

Хотя это все равно не СТАРЫЕ продукты. Это консорт. Хотя и выглядит по-настоящему. Я бы не удивился, даже если бы увидел сигареты и алкоголь в свободной продаже... Но нет, тут конечно квоты тоже действуют. Вот опять пресловутая дискретность развития. Цивилизация в виде бесконтактной оплаты сюда ещё не добралась, а ограничения по реализации уже ввели.

Ого, новинка от Стиморол. Со вкусом курицы с чесноком! Отличная штука для желающих похудеть. Хотя гадость жуткая. Я как-то рискнул попробовать со вкусом краба... Ох, зря. А некоторым нравится.

Мы взяли причитающиеся нам по квотам экопакеты, затарились остальным консортом и отправились обживать избушку.

Михайловское преобразилось. Оранжевые дома из стекла и газосиликата, добротные княжеские терема, и кое-где притулившиеся среди зелени старые избушки, неизменно упакованные в сайдинг. И даже, какая-никакая движуха в плане народа.

Над некоторыми домами танцевали свои странные танцы дроны. Интернет-сателлиты выстраивались в причудливые фигуры, словно парашютисты до раскрытия парашютов: кольца, пирамиды, цепочки. Формы медленно, завораживающе менялись. А временами застывали, в моменты особо напряженной работы сети. Цепляясь друг за дружку, дроны выдавали приличную зону покрытия и для gsm-i и для Интернета. А наблюдать за такими перепостроениями - хороший способ релакса.

А вот наша улица стояла тихая и пустынная. В обе стороны только брошенные дома, покосившиеся заборы, стыдливо прикрытые жасминовыми джунглями. Помнится, у Агнюши рос только один аккуратно подстриженный кустик. Под которым Динка Тихона загрызла.

Дом робко вздохнул, узнав в нас хозяев. Санька с удрученным видом пару минут разглядывал его чуть поехавший угол, погрызенные временем резные наличники, бельма пожелтевшей тюли на пыльных окнах. А потом решительно зашёл внутрь.

Да, насчёт развалюшки я погорячился. Стены-то ещё крепкие, а проблему скрипучего, разошедшегося пола Саша решил исправить изолоновым ковром. Он просто вылил тёмно-фиолетовую полужидкую массу из пакета прямо на пыльные, замусоренные доски. Пока эта изолоновая тянучка медленно расползалась во все стороны, мы вышли во двор. Крыша через многочисленные прорехи пропускала солнечные лучи и на почерневших кирпичках подрагивали овальные и круглые яркие пятна. В лучах мерцали разбуженные нашим вторжением золотистые пылинки.

В некогда вылизанном до последней травинки огороде теперь неприступной стеной вырос бурьян. Лишь у самого выхода из двора остался небольшой пятачок густой низкой травы.

Санёк грустно присвистнул и присел на ступеньки.

Я протянул ему свой никотиновый стек.

- Не крепковато для тебя, братишка? - хмыкнул он, отрывая серебристую полоску.

- Синих не было, - буркнул я, - тяни до половины.

- Мить, я думал здесь как-то попроще будет, - Санька выпустил белоснежный дымок вместе со словами, - чего-то я припух слегка от этого абандона.

- Так может и фиг с ним? Поехали обратно.

- Не могу, я Алинке обещал. И Мия очень хотела посмотреть, как бывает за городом. Ей неинтересны потешные фермы с коровками и курочками. Насмотрелась. Да и Алинка скучает по своей деревне. Но там совсем беда... не прорвешься.

Санька замолчал, наблюдая за тающими под ногами белесыми хлопьями стека. Я тоже молчал, обдумывая своё рациональное желание уговорить брата уехать обратно и непреодолимое, чисто мальчишечье, хулиганское стремление остаться здесь на пару недель. Вспомнить своё головокружительное лето. Самое настоящее, а не то, что всё чаще просачивалось в память.

И я уже знал, что останусь.

Пока мы перетаскивали из машины и настраивали триммер, бензопилу и экспотул, пол в избе застыл. На ровной, глянцевой поверхности проступили причудливые узоры из невиданных растений, диковинных птиц и зверей, а может и рыб.

- Мия будет в восторге, - Санька с удовольствием оглядывал своё творение, - Олси-про марку держат.

Я присел на корточки, погладил тёплую и удивительно мягкую поверхность. Вспомнил тётушкины разноцветные половички, слегка загрустил. Но здесь Санёк хозяин, пусть делает, что хочет.

Мы соорудили нехитрый обед из консортных продуктов, оставив содержимое экопакетов на ужин.

- Сань, а ты помнишь вкус СТАРОЙ колбасы? - сам не зная зачем,

спросил я.

- Такой же, - брательник подхватил на вилку пороссячье-розовый кружочек.

- Ни фиги...

- Тебе так только кажется. Мне дед тоже втирал, что раньше продукты были вкуснее. А из экопакета в рот не вломишь. Зато натуральные - белки, жирки, углеводы, как тогда. Просто мы были беззаботнее, от того и солнце казалось ярче, и небо выше, и еда вкуснее, и девчонки красивее...

- Не, у консорта какой-то безвкусный привкус... Не знаю, как объяснить... ощущение пустоты. Эко-еда и то, хоть что-то в себе содержит. А эти недопродукты...

- У тебя, по-моему, в душе пустота, - брат смотрел на меня исподлобья, красноречиво, - потому что ты один.

- Не начинай, Санёк, - предостерегающе фыркнул я.

- Мить, почему? Ты можешь хотя бы брату рассказать, почему?

- Я сюда не исповедоваться приехал. Доедай свою недоколбасу и пошли огород чистить.

Санька понимающе примолк. Быстро управился с остатками и сел наматывать леску для триммера. А я решил осмотреть фронт работ.

Ха! Осмотреть. В прыжке и то ничего не видно. Серебристая, пахучая полынь выше головы, кое-где чернобыльник и ещё какие-то невоспомнившиеся мне травы.

А вокруг тишина. Оглушающая, давящая, бесконечная. До звона в ушах заполненная музыкой кузнечиков и жужжанием тысяч прозрачно-слюдяных крыльев. Выгоревшее от солнца небо с редкими здесь искорками дронов. И стеклянный воздух, без привычного привкуса СОРа.

Но здесь пахло чем-то ещё. Неуловимым, но знакомым. Чем-то, помимо приторной горечи полыни, пересушенной земли, старой древесины и всех остальных обычных деревенских запахов.

Не, экспотулом работать намного легче. Под его блестящими на солнце ножами аккуратными снопами ложились мне под ноги охапки полыни, гордо падали поверженные в бою раскидистые репейники, укладывались шёлковыми полотнами заросли осота.

Ограничитель экспотула уперся в остатки забора. С сочным хрустом повалились толстые стебли лебеды, и я заглушил мотор.

- Лебеду у забора повыдергай... - прошелестел давно забытый голос у самого уха.

Сразу вспомнились горячие лучи солнца на моих обгоревших плечах, тянущая боль в усталых руках и невыносимое жжение в груди от одной только мысли, как же давно я не видел Иринку.

Вот чёрт, действительно, как же давно...

Я вернулся на исходную позицию у двора и начал новую полосу.

Санька жужжал триммером где-то в палисаднике перед домом.

До вечера мы вычистили весь огород. Я даже смог вычленить в бурьяне несколько кустиков смородины и крыжовника. С ягодами. Настоящими, не консортными. Мия будет рада. Из машины Санёк притащил дегидрат. Пока расстилали, ровняли, заливали водой из скважины - совсем стемнело. Зато на утро у нас будет прекрасный изумрудный газон с низкой шелковистой травой, ромашками, колокольчиками и чем-то там ещё. Санька заявил, что выбирала Алинка, а ему главное, чтоб без крапивы.

Мы так устали, что экопакеты улетели на ура. Даже ненавистный Саньку целлюмин, призванный имитировать творог, он уплёл за обе щеки. И разговоров больше не заводил.

Завалился на старый, тоскливо-скрипучий диван, укрылся изотермом и захрапел. Мне был великодушно уступлен надувной матрас.

Несмотря на комфорт спального места, мне не спалось. В голову лезли воспоминания десятилетней давности. Или их заменители.

Память удивительная штука. Бывает словно срабатывает предохранитель и те события, что могут разрушить психику, стираются. То есть, ты, конечно, помнишь, что случилось, но это не царапает душу, не рвет на клочки, словно это было не с тобой. Словно реалистичное, красочное кино. И параллельно накатывает мутными волнами, выборочно высвечивая отдельные эпизоды, образы, слова и лица, какая-то чужая, другая, новая история. Интересная история.

Но мне сейчас хотелось, чтоб ощущения реальности вернулись, чтоб я вспомнил абсолютно всё, прочувствовал заново. Заполнил пресловутую пустоту внутри. Санёк был прав. Поэтому сегодня я здесь...

Ещё одним настоящим воспоминанием стал густой и тяжёлый воздух, что огромным котом-увальнем уселся мне на грудь, не позволяя сделать вдох. Ощущений добавило ужасно тёплое одеяло. Точно такое, как у Агнюши.

Я резко поднялся и вышел из душной комнаты.

Ступеньки дворового крылечка тихо скрипнули. Я поднял вытянутый Саньком до одной трети никостек. Запустил разогрев. В чёрное небо полетели снежные хлопья. Сделав полукруг, они бесшумно осыпались к моим ногам. А я не торопился вдохнуть. Мне хотелось настоящих сигарет. Я успел покурить их пару лет, до заполнения рынка вейпами и введения квот. Жаль, хорошее было время...

Хлопья никостека ещё таяли у двора, а я уже шёл по зыбкой и мокрой паутине распускающегося гидратированного газона.

В воздухе стоял густой, хоть ложкой ешь, привычный запах. Чего-то... И нет, точно не соломы.

В самом конце участка за ветхим забором высился стеной тот же густой бурьян. Днем, поглощенный работой, я не рассматривал, что там за ним, следил только за работой экспотула. Но то, что я увидел сейчас,

проявило в памяти ещё несколько незасвеченных кадров. Воспоминание подкатилось под ноги ледяной волной, поднялось до пояса, потом до груди, перехватывая дыхание, сдавливая плечи, накрыло с головой и тут же отхлынуло, словно само испугалось такого стремительного сближения.

Там, в зарослях полыни лежала золотисто-серая катушка соломы. А за ней ещё одна. И ещё. В темноте легко угадывались очертания их покатых боков. Они словно плохо прятались в засаде, нехотя создавая видимость маскировки.

И чем дольше я смотрел туда, в темноту, тем отчётливей вспоминалось, что днём их за забором не было.

Небо медленно вращалось надо мной, перемигиваясь звёздами, неторопливыми светлячками спутников и габаритными сигналами неугомонных дронов. Под бархатным куполом разливалась тишина, настоящая, беспрекословная, без посторонних примесей. Дистиллированная чернота.

А потом из этого концентрата тишины появился звук. Долгое, глубокое и протяжное: «А-А-А-А-А» зависшее на одной ноте, низкое, на границе инфразвука, словно горловое пение тибетских монахов, словно тяжёлый выдох древнего исполина. Голодное гудение огня в тесном жерле. Звук растекался над тёмным полем, накатывал волнами, набирал силу и все больше понижал тональность, до самого предела, до ощутимых колебаний воздуха, до дрожи земли. Я закрыл уши ладонями, и волна швырнула меня на колени, я упал в пухлую перину разбухшего газона. Крепкие стебли опутали руки и ноги и потащили куда-то вниз, в чёрную глубину. А в ушах так и гудело «А-А-А-А-А». В нос ударил тошнотворный, сладковатый запах керосина, перед глазами разлилось ослепительное свечение пламени, всего лишь на доли секунды, а потом все заволочло непроглядным дымом.

Протяжный стон оборвался на самой низкой ноте. И во внезапной тишине я услышал тонкий голосок:

- Митя, я смогу отомстить...

Очнулся от резкого толчка в плечо. Санёк стоял над моим надувным матрасом.

- Просыпайся, сонурик!

В пыльное окно заливалось белое солнце, из кухни плыл запах омлета, даже немного похожий на СТАРЫЙ.

Ночной кошмарик спрятался маленьким клубочком где-то под диафрагмой, уступив место чувству голода и долга. Долга помочь Саньку с ремонтом.

После завтрака мы, словно два гигантских муравья, ползали по крыше с экспотулом, перекачивая его друг другу, как машинку, а он старательно гудел, покрывая крышу двора блестящими листами полимера.

Отсюда, с высоты я прекрасно видел конец огорода и то, что за ним. И конечно, никаких соломенных катушек за забором не было.

На всём нашем участке весело звенел и жужжал летний цветущий луг. Пусть и поднявшийся за одну ночь, он нисколько не уступал настоящему. Словно эти ромашки и прочие лютики-цветочки всегда тут и росли. На низких кустиках подрагивали в солнечных лучах, рассыпая по траве рубиновые блики, грозди крупных ягод смородины и пузатые бочонки крыжовника.

Над лугом порхали удивленные резкой переменой бабочки и жужжали трудяги-пчёлы. Видимо, прифигев от сладости нектара, по сравнению с полынным. Впрочем, возможно они уже подсели на абсент.

Поразмышлять о вкусовых предпочтениях пчёл не дал Сашка, торжественно вручив мне ведро и тряпку. Следующие два часа я задумывался о последствиях паники среди гигантских пауков-крестовиков, что капитально обжили резные наличники. Хитрый Санёк отмывал окна изнутри.

После обеда снова крыша и второй слой полимера, тщательная уборка комнат и чулана. После приезда Алинки ночевать я буду именно там. Да я и не против. Детство вспомню...

Нет, мне все время везёт на исполнение дурацких желаний. Вспомню-вспомню, ещё как...

Сегодня было ещё жарче, чем вчера и чем все предыдущие дни. Санька даже заволновался за свой газон. Как бы он обратно не дегидратировался. Поэтому к вечеру нам пришлось выползти в огород, поливать посадки.

Духота и сушь погрузили всю деревню в сонное оцепенение. Над соседней улицей висела охристая, кварцево поблескивающая пыль. А со стороны города невозможно медленно наплзали полупрозрачные сиреневые облака, принося с собой едва уловимый, сладковатый запах СОРа. Но в воздухе было ещё что-то. И я так до сих пор не мог понять что...

На нашу крышу присел крупный ворон, почистил клюв, погляделся в мутное зеркало полимера. Вытянув шею, вдруг выдал совсем не воронье: «Талу-ун!» и полетел прочь, вальяжно взмахивая крыльями.

Мы с Саньком переглянулись.

- Бывает, - кивнул он, после недолгой паузы, - в детстве пару раз слышал, чтоб они так кричали.

Потянуть стеки мы решили на лавочке перед домом...

На лавочке перед домом лежало маленькое жёлтое яблочко, надкусанное с одной стороны. Свеженадкусанное, ещё не потемневшее.

Не раздумывая, Санёк поднял и швырнул его в заросли через дорогу.

- погоди, - только успел сказать я, глядя, как сомкнулись объятия сорнотравья, поглотив сей загадочный артефакт. - Откуда оно здесь взялось?

- Ну оставил кто-то, - равнодушно хмыкнул брат.

- Что-то я на нашей улице - не то что детей - взрослых не наблюдаю.
- Мимо шли...
- Откусили яблоко и положили на лавочку?
- Не грузись. Подумаешь, яблоко...

Ну так-то он прав, конечно. Но мне что-то покоя не было. А рот заполнился кисло-вяжущей слюной, словно я сам это яблоко только что откусил.

- Сань, а ты помнишь Рудика?
- Скинхеда?

Я кивнул.

- Да, они тогда устроили... - Санькина гримаса выразила то ли презрение, то ли злость, и он добавил сквозь зубы: - У наших старших ребят, у кого сотрясение, у кого перелом. Ты мелкий совсем был, наверное, не помнишь.

- Ну да... - я неуверенно кивнул, - а после?

- После? - Санёк так злорадно усмехнулся, - его Дэн с Майором потом выцепили... Перестарались малёк, - брат опустил взгляд. - Он сам на эту арматуру напоролся, ребята не хотели... В больнице умер. Перитонит, сепсис... Сказали - просто сгорел.

Видимо, моё лицо вытянулось до неправдоподобных размеров, потому что Санёк спохватился:

- Да, тебя ведь тогда, в первый же вечер этой заварушки, домой отправили...

Ну ни фиги себе, конспирация! Только какой смысл?

- А Расима? - прищурился я и кивнул в сторону старомодного особнячка, отделанного песчаником и коваными чугунными изысками.

- Тебя сегодня так покойники интересуют?

- Что случилось с Расимом? - резко спросил я.

- Я же был в армии. Ты сам лучше знать должен, - братец скептически уставился на меня, хотел видимо что-то ехидное сказать, но передумал: - На Гранде своей влетел под КАМАЗ. Возгорание. Не то что от парня, от машины ничего не осталось. Пацаны потом ходили на похороны. Гроб закрытый.

Санька замолчал, пристально глядя на меня, а во взгляде читалось: «Тоже не помнишь?»

- То есть, просто несчастные случаи?
- Просто... - пожал плечами брат.
- И никакой мистики, ничего сверхъестественного?

Брат странно нахмурился:

- Ну как ... Агнюша говорила, что их Белая Соня забрала.

Белая Соня! Моментально вспомнились детские страшилки, которыми местная малышня пыталась меня напугать в мой самый первый приезд сюда. Вспомнились, ага. Ещё пару секунд назад я ни о какой Белой

Соне понятия не имел, а теперь - помню. Только это такая чушь, что даже и рассказывать не хочу.

Тянули мы в тот вечер молча. Долго. До того, как небо стало самого тёмного оттенка лазурита.

С утра мне было поручено сгонять до магазина.

А ноги сами пронесли меня мимо. Знаете, там через прогулок стоял такой маленький, зелёный домик. В нем жила клёвая девчуля.

Правда, через год её родители продали этот дом. И это последнее, что я знаю об Иринкиной жизни.

Новые хозяева построили оранжерею, с какой-то причудливой планировкой, делающей её похожей на гигантский хрустальный лабиринт-головоломку. У дома грелся-подзаряжался на солнышке крутой внедорожник, но самих жильцов не было видно.

А у соседнего дома, представьте себе, ещё стояла та самая лавочка. Потемневшая, покосившаяся, но стояла. Здесь остались самые прекрасные воспоминания. Разговоры сквозь поцелуи.

- Я хочу тебе показать кое-что... завтра. Пойдёшь со мной?

- Пойду. Спокойной ночи, Мить.

Лучше бы она не соглашалась.

Так, стоп... Когда я вернулся в тот вечер домой, Иришкин дед говорил Агньюше о ... Белой Соне. Дескать, видели её, значит - жди беды. А тётушка причитала: вот и снова началось, когда уgomонится, тварь кровожадная... Как в две тысячи восьмом... Ну а дальше, в принципе, воспоминания совпадают.

Я постоял ещё немного, сам не зная, на что надеясь, и побрел обратно к магазину.

Ох уж эти неожиданные встречи. Пока собираешься с мыслями, подбираешь слова, события проносятся галопом оставляя тебя в дураках, так, что и говорить-то уже незачем. Ну что мне стоило чуть дольше задержаться?

Нет, я влетел в магазин с громким «Здрасть!», чем сразу обратил на себя внимание всех.

А прямо перед собой я увидел Иринку. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, была близко-близко, так, что я видел своё отражение в её зрачках. А ещё страх, отвращение и боль...

Как и тогда, десять лет назад. Она ничего не забыла. И ничего не изменилось.

Пока я, как ошолоп топтался на месте, пытаюсь сказать хотя бы «привет», девушка бросила коротко: «Здравствуй, Мить» и выскочила на улицу. Сквозь двери магазина я увидел, как она быстро юркнула в шикарный серебристый Линк, и машина сорвалась с места.

Пока делал необходимые покупки в голове было шумно. Как-то гулко. Мысли метались, не находя себе места.

Синих никостеков тут совсем не бывает? Она меня не забыла! Колбасы, чтоль, ещё взять? А что она здесь делает? И кто там в машине за рулём? Она поздоровалась со мной. По имени назвала. Да, давайте пару упаковок.

По привычке я рванул с покупками к выходу, подняв запястье с браслетом для оплаты. Под растерянный возглас продавщицы «Стойте...» вспомнил, что здесь по-старинке расплачиваются на кассе, а не системой оллпэй на выходе. Вернулся, приложился, пипикнул.

И только выйдя на улицу, ощутил цунами нахлынувших эмоций.

Она здесь, совсем рядом. Но она не будет разговаривать с тобой. Она тебе всё объяснила тогда: ты - вечное напоминание о том кошмаре. А она не хочет жить со страхом, она хочет всё забыть. Это только в сказках герои остаются вместе после совместных приключений. А в жизни...

Зря я показывал ей то видео...

Нет, мне необходимо просто поговорить с ней. Постоять рядом, послушать её голос, посмотреть на её улыбку. Милая моя Иринка, прости, знаю, что ты не моя. И всё-таки...

Я начал мысленно сочинять речь, какую бы мог произнести, если бы она задержалась рядом хоть на пять минут. Но в голову лезли только невозможно банальные вещи.

Вернулся я злой. Закинул продукты в холодильник и завалился на диван.

Пока Санька разбирал свалку досок в углу двора, я решил протестировать моего «Призрака».

Я приобрел его прямо перед приездом сюда и ещё не успел обучить жестам.

Стартовая загрузка всегда в красном цвете. Это мне девочка-консультант объяснила. Потом можно выбрать любой.

Я быстро пролистал меню реста почти до конца и выбрал новое приложение. На моей раскрытой ладони тут же появился прозрачный красный прямоугольник. Голограмма стандартного экрана смартфона.

- Введите запуск, - ласково попросила кибер.

Я решил не выпендриваться и просто щёлкнул пальцами.

- Принято. Введите отключение.

Тут тоже - золотой стандарт: резко закрытая ладонь, словно ловишь кого-то.

- Принято.

Мне послышалась усмешка в голосе кибер.

- Голосовые команды будут?

- Да. Жди, - чётко проговорил я, поднеся рест к губам.

Пока я занялся настройкой интерфейса. Пришлось правда, надеть браслет на левую руку. И уже правым указательным едва касаться невесомо-прозрачного экрана. Управление стандарт. С непривычки то и

дело сводило запястье, когда я пытался удержать в ладони воздух. Но голограмма была заякорена на браслете. Проекция, она, «как бы», не падает. Сообразил перевернуть рест, теперь экран лежал на тыльной стороне ладони и падать уже никуда не собирался.

Ввёл несколько голосовых команд.

Пока из Нета подгружались все необходимые приложения, я развлекался, меняя цвет обложки, тембр голоса, щелчками пальцев разворачивал экран до размеров неплохого телевизора и снова сворачивал его до дисплея реста.

Все работало просто прекрасно.

Интернет тянул на приличной скорости, хотя пакеты весили неслабо. Наверное, над нашей избушкой уже целая стая дронов собралась. Интересно, какую конструкцию они держат сейчас?

На пороге появился сердитый Санёк.

- Ты мне помочь не против?

- Сейчас.

Я скатился с дивана, чуть не забыв сложить экран, хотя в этой функции было больше эстетики и комфорта для психики, чем практической пользы.

Когда в моём мозгу уложится, что голограммы не падают, не царапаются и не разбиваются?

Во дворе царил настоящий хаос. Откуда только что взялось. В углу валялись молочные бидоны, стоял, прислоненный к стене, пыльный Санькин «Форвард», поперёк лежали почерневшие доски и жерди, исколотые чурбаки, ржавые вёдра, чайники, кастрюли с отбитой эмалью, наполненные ржавыми гвоздями. Даже старинная газовая плита была выворочена Саньком из какого-то тёмного угла.

- Тебе заняться больше нечем? - с нервным смехом спросил я, - до твоей уборки тут как-то попросторней было.

- Ты знаешь, я подумал, а не снести ли двор к чёртову дедушке и забабахать оранжерею? Маленькую - пять на пять? Яруса в три?

- Ты здесь надолго, что ли?

- А что? Всю жизнь на консорте? Люди, вон, выращивают себе. Чем я хуже? Раза два в неделю приехать для полива и отопления. Зато НАСТОЯЩАЯ еда. Даже экопакеты не нужны будут. Ты, кстати, видел какую красоту поставили на участке Соколовых?

- А ты не знаешь, кто теперь хозяева? - разговор об Иринкином доме вызвал новую болезненную волну воспоминаний. Совсем свежих. «Здравствуй, Мить». Даже голос не изменился. Все такой же нежный и звонкий.

- Откуда? - равнодушно пожал плечами Саня.

- Просто она сегодня здесь. Я её видел.

- Иринку? И как она?

Я отвернулся, делая вид, что разглядываю стеллаж с инструментами.

- Даже не поговорил? - с надеждой спросил Санёк. По моему молчанию он догадался, что дела плохи. И не стал больше приставать.

Мы смогли выгрузить большую часть хлама. Кое-что Санька прибрал для своих нужд.

Да, обживается братец. Ага, и я за компанию.

Позвонила Алина. Сказала, что они с Мией соскучились и готовы к переезду. Сашка сорвался с места.

Буквально на ходу спросил, не передумал ли я оставаться здесь.

Я не передумал. И тому были теперь как минимум две причины. Первая - Иринка... А ещё я просто не хотел оставлять брата, Мию и Алину без присмотра. Ведь они не знают, что изредка происходит здесь тёплыми августовскими вечерами. То есть происходило... в какой-то другой реальности.

Санёк побросал в багажник мешки с мусором, а мне было поручено обследовать чердак и - на кой-то чёрт - погреб. Старенький Санькин «Дастер» всюю соответствовал названию, пока не скрылся за поворотом на горе, оставив в воздухе над дорогой золотые и сиреневые облака пыли.

Под изоляном доски жалобно вздыхали, а может их слышало только моё хулиганистое воображение. Но сейчас я ощутил какое-то особенно тоскливое, бесконечно тянущееся одиночество. Чердак угрюмо не выдавал ни одной своей тайны, по элементарной причине отсутствия таковых, а полузасыпанный погреб предложил мне порыться в залежах старой обуви, каких-то тряпок, пыльных и пустых банок и бутылок. Я вежливо отказался.

Солнце зависло в зените, даже и не думая снижать градус накаливания. Стояла сушь. Жёлто-серая, мутно-сиреневая, пыльно-охристая. Как и в то лето.

От безделья и жары в голову начали просачиваться уж совсем дурацкие мысли.

Мы что-то изменили своей скоропалительной выходкой. Сдвинули мир. По идее, теперь не должно быть никаких Соломенных. Солому мы сожгли, ребята остались жить, наверно... А может, их и не было никогда? А Белая Соня? Откуда она взялась? И как в одной голове могут уживаться настоящие и искусственные воспоминания. И какие из них - какие?

И ещё, откуда теперь ждать подвоха?

А в том, что ждать надо, я был практически уверен. Весь воздух здесь был пропитан этим чем-то, что я никак не мог уловить. Пекло, пыль, белесая муть до горизонта, а вблизи все оттенки сепии, и необъяснимое, но такое - шкурой чуешь - предвестие беды.

Да, я знаю, я псих конченный. А на ваших глазах соломенные кучки много людей съели?

Я вернулся в дом, снова закинулся на диван. Что-то меня на ностальгию пробило. Полез в Нет, отыскал свои древние фотки,

восемнадцатого года.

Как же всё заросло за десять лет. И домов-оранжерей понастроили. Так, а вот это уже интересно...

На одной из фотографий сделанной в сумерках, прямо за нашим забором в конце огорода в высокой траве лежали соломенные катушки. Точно так же, как и в недавнем моём сне...

Нет, это я причину со следствием перепутал. Мне просто именно эта фотография и приснилась. Наверно...

А вот снимок дома Расима. Примерно дня за три до трагедии.

А это ещё что?!

На крыше, в ярко-белых солнечных лучах сидел крупный ворон. Его тёмный силуэт контрастно выделялся в ослепительном свечении. А на лавочке перед домом лежало маленькое жёлтое яблочко. Точно такое, какое вчера Санёк выкинул в заросли.

Я снова скатился с дивана. Выбежал в огород. По мягкому лугу, на негнущихся ногах дошагал до забора. Катушек в бурьяне не было. Вернулся к дому. Постоял, приюхиваясь и прислушиваясь. Ни соломы, ни перепёлок.

На всякий случай закрыл двери и отправился по горяче-пыльной дороге в конец деревни. Туда, где дорога круто поднимается вверх, к самому небу. Белесому, раскалённому, иссушенному пеклом.

Соломы на горе не было. Вообще, сам удивляюсь, на что я надеялся. Даже если бы и была, то что? Но здесь уже лет пять ничего культурно-хозяйственного, кроме СОРоустойчивой, безотходной агрофоры не сажали.

Я снял рест с запястья, щёлкнул пальцами.

- Камера. Режим видео.

Под пронзительными солнечными лучами экран был практически невидим. Только лишь слегка угадывалась хрустально поблёскивающая кромка границы голограммы.

И никаких «наслоений» из прошлого. Только та же горчично-пыльная сепия. Смутно знакомые очертания крон далёких тополей и вётел. Залитые белым, ослепительным свечением дали, подрагивающие в мутном искривлённом стекле перегретого воздуха. Тишина, щедро приправленная треском ошалевших от жары кузнечиков, шуршанием и писком в пересушенной стерне и едва слышным гудением зависших в неразличимой высоте интернет-сателлитов.

- Это же Пастушкин овраг... - услышал я самый любимый голос прямо над ухом. Оглянулся.

Из-за золотистого склона выглядывали тёмные кроны деревьев.

Пастушкин овраг!

Ноги сами понесли меня туда. Ещё издали я заметил яблоню. Маленькое деревце, с раскинутыми словно в причудливом танце ветвями, сплошь усыпанными яблоками. Маленькими, ярко-жёлтыми яблоками.

Но стоило мне протянуть руку к ближайшему, как словно от резкого толчка, яблоки, все до единого, упали.

Их одномоментный удар о землю заставил меня вздрогнуть. Лицо закололо горячими иголками.

На пару секунд, в звенящей тишине, в полном - ни один листик не дрогнул - безветрии, я ощутил приступ безотчётного страха и паники. Я не мог оторвать взгляд от лежащих в траве ярко-жёлтых яблок. На сотню зеттабайт я был уверен, что наше вчерашнее яблочко было сорвано здесь.

На мою, всё ещё протянутую руку, вдруг сел ворон, слегка ткнул клювом в рест, внимательно посмотрел на меня. Он был так близко и так спокойно сидел на моей руке, будто чего-то ждал. Снова осторожно клюнул браслет и, взмахнув крыльями, поднялся в небо. Над головой разнеслось знакомое: «Талу-ун!». Но прозвучало это, как проклятье.

Вырывая меня из оцепенения, пипикнул рест.

На экране сердитое: «Т гд?»

Санёк с девчонками вернулся, понятно. Братец любит быть «прдльн кртк». Хотя сейчас так пишет подавляющее большинство. А некоторые даже говорить умудряются. «Эт мдн».

Пока спускался с холма, решил Саньке о яблоках ничего не говорить. Этот скептик меня на смех поднимет. Лучше держать ухо востро, и при первой опасности запихнуть девчонок в машину и отвезти домой.

- Дядя Митя!!! - ещё издали завопила от восторга Мия. И бросилась ко мне обниматься.

К дому мы подошли трёхэтажной пирамидой. Я, на плечах Мия, а на её плечах Невероятный Колобок. Ну этот, из нового мультика, супергерой всех девчонок в возрасте до пяти.

Алина хозяйничала на кухне.

- Привет, Мить, - обернулась она с приветливой улыбкой, на пару секунд оторвавшись от строгого ранжирования посуды в шкафу. Она стояла на старом, неустойчивом табурете, чуть подрагивающем от её быстрых и ловких движений, так, что мне стало даже немного страшно за неё. Но Алинка никуда падать не собиралась. Балеринки - они в воздухе парить умеют.

Санькина Алинка красивая. Угольно-чёрные, шелковистые волосы, чуть раскосые, ярко-синие глаза и безупречный тон лица, как в рекламе - айвори. Только - я знаю - всё дело в эквалайтах. Лучшие средства для поддержания красоты и молодости и серьёзные конкуренты всей косметической промышленности. Микрочастицы, которые подстраиваются под тип и цвет кожи и делают её безупречной. А заодно и губы, ресницы, брови, даже цвет глаз. Можно выбрать любой вариант исполнения, отслеживая результат эксперимента с внешностью через камеру смартфона. Цифровой макияж. Вроде как-то жутковато. Но Саньке нравится, что Алинка это делает, а мне пофиг.

А моя племянка тоже балериной мечтает стать. Это модно.

Мия потянула меня в огород.

- Дядя Митя, ты только погляди, сколько здесь бабочек. Ой, колокольчики! А, ягоды-ягоды-ягоды! Их можно есть? Прямо так?!

Быстренько ощипав кустик крыжовника, Мия довольно зажмурилась. Постояла с закрытыми глазами, прислушиваясь к звенящему, пронзительно-белому свечению, что щедрым потоком лилось из лазоревой глубины неба, впитывая его всей кожей, благодарно принимая в дар вместе с кружащим голову, сладко-терпким, ванильно-медовым ароматом перегретого, пьяного травостоя.

- Здесь громко пахнет солнцем! - выдала совершенно счастливая Мия.

А я вдруг понял, что она беспрекословно права.

- Философ ты мой, - нежно подхватил её на руки Санёк и закружил, закинув себе на плечо. Звонкий смех девчонки разлился последней недостающей нотой в этой великолепной фуге лета.

А на ужин у нас была картошка. Алинка так умеет её готовить, что можно просто лопнуть. Не отличишь от картошки моего детства. Даже недоколбаса и соевое молоко вкусны по-старому.

После ужина Санёк принялся подмигивать мне, пока у него глаз не начал дергаться. Непроизвольно. Я делал вид, что не понимаю, о чём он. Но потом сжалился над братишкой.

И мы двинулись на прогулку с Мией и Колобком той же трёхэтажной пирамидой.

Деревня отдыхала от дневного пекла, теряя чёткие очертания в зябких фиолетовых сумерках. Только ярко-розовая подсветка оранжерей разбавляла наползающую с полей темноту. Остывающий воздух приятно пощипывал обожжённую кожу. Из пересушенных придорожных зарослей слышалось шуршание и потрескивание. Низины уже заволакивало угольно-чёрным кружевом с яркими штрихами густой осоки.

- Какой-то шершавый вечер, - глубокомысленно изрекла девчонка на моих плечах.

И я снова удивился её способности так легко обозначать неопределённые ощущения.

А после того, как мы перешли на соседнюю улицу, она уже не умолкала, переспрашивая по сто раз: что, зачем и почему. Хотя чаще всего звучало именно что. Уж очень много было нового в деревне для абсолютно городской девочки.

- А это что? - Мия протянула руку к тёмному холмику, что едва виднелся в траве.

Я хотел было пожать плечами, да на них и сидела Мия, поэтому решил присмотреться.

В зарослях пересушенной полыни угадывались очертания кирпичной стены, наискосок уходящей в землю. Будто бы небольшой горки, с залитым

гудроном скатом. Впереди, с самого высокого края виднелась маленькая, основательно поржавевшая дверца. Противоположный конец прятался в серебристом полынном бурьяне.

- Это керосиновый погреб, - озвучил я внезапно всплывшие в памяти слова Агнюши и продолжил неосознанно: - Не ходи, не смотри. Там беда прячется...

Так я услышал от тётушки, когда мне было пять. Или это опять искусственное воспоминание? А в пятнадцать мне не до погребов всяких было... Ну вы помните.

Какая ещё беда?

- Погоди-ка.

Я спустил Мию на дорогу, строго наказав ждать меня. Куда там. Уже через пару метров я услышал за спиной сопение и шуршание сухой травы.

- Мия, я просил тебя ждать на дороге!

- Не могу, ты сказал, тут беда прячется.

- Это не я сказал, - рассердился я.

- А кто?

Ох-ты-Боже-мой.

Ничего особенного. По самое не могу выросший в землю погреб. Ну даже если керосиновый?

Петли совсем не держали дверь. Она открылась, то есть отвалилась, с другого края, повиснув на скобе с защёлкнутым амбарным замком. И зачем я туда сунулся? Вот уж действительно - беда.

Мы с племяшкой склонили головы над старым, в клочках пыльной паутины, спуском в абсолютную темноту.

- Бу! - крикнула вниз Мия и звонко засмеялась.

Я уже хотел снова посадить её на плечи и вернуться на дорогу, как она склонилась над погребом, со смехом вертя своим Колобком на вытянутой руке, прокричала:

- Эй, беда! Выходи поиграем! Ой...

Я увидел только, как Невероятный суперкруглый супергерой беспомощно взмахнув плюшево-жёлтыми ручонками, подпрыгнул на ступеньке и скрылся в непроглядной темноте. Нижняя губа у Мии моментально набухла и оттянулась, а на глаза выкатились две огромные слезы.

- О-ой, - тихо прошептала племяшка.

Следующие пару минут я слушал её заботливые напутствия, пока осторожно спускался вниз, в тепло-затхлую черноту.

- Осторожно, не упади, не стукнись головой, не наступи на паука какого-нибудь...

Вот это зря она, про пауков-то...

Ступеньки закончились на счёте восемь. А Колобка все не было. Я наклонился, шаря руками в темноте, чертыхаясь про себя, что лучше бы не

выпендривался, а так и ходил по-старинке, с нормальным телефоном, там хоть фонарик был. А браслет такой функции не предусматривал.

В ворохе какой-то шелухи под ладонь мне попало что-то прямоугольно-гладкое, с приятно пружинящими резиновыми бугорками.

Да это ж просто артефакт какой-то! Телефон кнопочный.

В следующий мой поклон под ладонь все-ж-таки попал Невероятный Колобок. Вместе с ватно-липкими клочками пыльной паутины.

Я вынес находки на свет... тёмный.

Сложно сказать, чему Мия обрадовалась больше.

Колобок перекачывал мне почти подмышку, а Мия, снова восседая на моих плечах, самозабвенно разглядывала легендарную в своё время, а теперь абсолютно бесполезно-дохлую Нокию.

Ноги как-то сами снова принесли меня к сверкающему розовыми огнями оранжерейному дворцу.

Сквозь его прозрачные стены я мог видеть обитателей. Вырезные чёрные фигурки в фиолетовом сиянии. Я сразу узнал Иришку. Не уехала, значит. Она задумчиво стояла около стекла на втором этаже, смотрела вниз, на сумеречную дорогу. Прямо туда, где чудаковатой пирамидой стояли мы с Мией, Невероятным и Нокией. То есть, смотрела она на нас. Но вот видела ли?

К её тонкой фигурке танцовщицы подошёл мужчина. Протянул руки в попытке обнять. Но Иришка порывисто отстранилась, повернулась в профиль, взмахнула руками.

Мне стало неловко наблюдать этот театр теней, вовсе для зрителей не предназначенный. Но заставить себя уйти я не мог. И была причина. Я увидел здесь кое-что важное. Но пока непостижимое. То, что невозможно медленно поднималось из мутных вод новых воспоминаний. И силился понять, что же мне теперь не даёт покоя, в этой обыкновенной на первый взгляд картине. Уютный и просторный дом, огромный, ухоженный сад, пара крутецких авто на лужайке. И даже новая кованная скамья перед крыльцом. Новая и, наверно, очень удобная.

А мужчина уже ушёл. Иринка снова стояла, повернувшись к окну, и смотрела в темноту. И теперь я был уверен, что она видит меня.

Но что-то меня все сильнее настораживало. Какая-то маленькая деталь, размытое пятно на периферии сознания. Вполне уместная здесь мелочь. Но меня она серьёзно тревожила.

- А это кто? - прошептала Мия, наклонившись к моему уху.

- Сказочная принцесса, - ответил я.

Мия приветственно замахала руками, а я поспешил скрыться в подступающих вплотную шершавых сумерках.

Только когда мы вернулись, до меня наконец достучалась растревоженная интуиция. Так по голове треснула, что я чуть Мию не уронил. Встал, как вкопанный и даже забыл, как делается вдох.

Яблоко! На кованной, удобной скамейке лежало яблоко. Маленькое, жёлтое, надкусанное...

Так, без паники. Просто завтра надо встретиться с Иринкой, уговорить её уехать. А потом как-нибудь ненавязчиво свернуть и этот сумасбродный деревенский квест.

Я занёс Мию на плечах прямо на кухню. Согнувшись почти пополам и чуть не кувыркнувшись через голову, мы вломились через низенькую дверь.

Алина подогревала чай. Санёк собирался смотреть вечернее балетное шоу. На столе уже стояли чашки, вазочка с печеньем и сухариками. Мия тут же нырнула отцу под руку:

- Пап, а смотри чего дядя Митя нашёл! - и выложила перед ним на стол сотовый анахронизм.

- Вот это да-а... - протянул Санька с какой-то счастливой, полубезумной улыбкой, - не может быть...

- Мы его из беды достали, вместе с Колобком.

- Чего-чего? - встревожилась Алина.

- Я спускался на выручку вот к этому балбесу, - я кивнул на Колобка в руках Мии, - а заодно и мобилку нашёл.

- Мою... - лихо улыбнулся Санька.

- Не может быть! - воскликнули мы с Алинкой.

- Твою? - удивилась Мия, - а на ней фотки динозавров сохранились? - девочка умышленно приняла самый невинный вид, украдкой поглядывая на меня.

- Динозавров?! - включился я в игру, - ну ты даешь, Мия. Ха-ха-ха, не могу, насмешила.

Родители тоже приняли участие.

Отсмеявшись над самодовольным видом дочери, Санька вздохнул:

- Митяй, это правда моя мобила. Мне в первом классе её подарили. А я тем же летом её потерял. В... - он как-то тревожно взглянул на Алинку, потом на Мию.

- Керосиновом погребё? - продолжил я.

Саша удрученно кивнул.

- Где? - удивилась Алина.

- Да есть тут нехорошее местечко, - усмехнулся Санёк.

- Саша! - возмутилась Алина, - и ты до сих пор молчал? Я не знаю, где мне сюжет для очередного хоррора найти, а ты старое, нехорошее местечко припрятал?!

- Да почему припрятал-то? Забыл просто совсем.

- А почему нехорошее? - встрял я.

- Говорили, что в войну там фашисты партизан сожгли. А нам строго-настрого запретили лазить туда. И именно поэтому мы полезли. И да, местечко ещё то...

У Алинки засветились глаза. Ей очень нужны были разные,

мистические истории, чтоб потом ужастики писать. И Санька, поломавшись для приличия, начал рассказ:

- В то лето, после первого класса, я приехал в деревню с новеньким крутым телефоном. Вот этой самой Нокией. А у Лёхи, как назло, появился первый сенсорный. Как-то они с Тёмычем пристебались ко мне. Типа, у тебя телефон, как у лоха. Я говорю, зато у меня камера крутая. Ну они, давай, дальше валять: крутая-да-не-такая... Дабы этот развод прекратить, я решил дуэль организовать. Прямо здесь, на месте. Типа, у кого чётче фотки будут - тот и не лох. А стояли мы у дороги, как раз напротив керосинки. Первый фоткал Лёха. Хорошая, чёткая фотография. Я приуныл, качество было на уровне. Навел камеру своего. Смотрю у входа в погреб стоит ружьё и две лопаты. Я глазам не поверил. Смотрю мимо телефона - все как обычно. Никаких артефактов. В телефон - у дверцы винтовка с деревянным прикладом и лопаты. Фоткаю, тычу в лицо этому мажору, смотри, говорю. Они оттуда как дернут, только пыль столбом. И вопят: «Там Белая Соня! Белая Соня!». Смотрю на фото, а над погребом белесое размытое пятно, по очертаниям похожее на фигуру девочки в платье. И она так странно руку протягивает... Я конечно тоже свалил по-быстрому. Но не вытерпел, пошел к Макс, другу моему лучшему, показал ему фотку. Он ещё тот авантюрист! Ты чё, говорит, пошли скорее, снимем ещё чего-нибудь, к нам эти приедут, с хрень-тиви, прославимся.

Ну мы и отправились. Я издалека сфоткал - артефактов нет. Макс расстроился, чуть в трепло меня не записал. Спустились к погребу. Я включил режим видео. Внизу темнотища. Хотя через камеру, хоть так. Стали спускаться...

Санёк замолчал, задумчиво уставился на свой старенький телефон.

- Интересно было бы посмотреть то видео. Памяти надолго не хватило. А вот впечатлений через край. И я так и не понял, что это было. Макс после даже заикался пару недель. На экране мы увидели две фигуры. Высокие, грязные, лохматые. Один повернулся ко мне, и я увидел его нелицо. Жуткую маску: серо-коричневые перья прямо на щеках, на лбу, на подбородке, сизая пупырчатая кожа. И нос... нет, длинный, коричнево-красный, будто окровавленный, клюв, с чёрными провалами ноздрей. А над ним маслянисто поблескивающие, чёрные, злющие глаза. Второй ворочался в углу, с остервенением царапая когтистой лапой кирпичное крошево стен. Тот первый, с птичьим лицом вдруг протянул ко мне руку. Я увернулся, но выронил сотовый. С воплями мы с Максом вылетели из погреба и побежали к дому не оглядываясь.

Макса потом в город увезли, наверное, по врачам водили. Я-то поумнее был, ничего не стал рассказывать. Но меня за потерянный телефон наказали домашним арестом на три дня. А на керосинку новый замок повесили.

Кстати, я потом по памяти, по фоткам в Нете посмотрел: у погреба

стояла винтовка Мосина... И я её...

- А что за Белая Соня? - перебила заинтересованная до мурашек Алинка.

Санёк с удовольствием переключился...

А я теперь слушал рассказ брата со смешанным чувством интереса и скуки. Так бывает, когда смотришь знакомый, но хорошо забытый фильм. И удивляешься не сюжетным поворотам, а только тому количеству эпизодов, которые ты ещё помнишь и которые успел забыть.

Сколько всего я оказывается, помнил о Белой Соне. Помнил, но вроде как не знал об этом до сегодняшнего вечера.

Присутствие Мии немного смущало некоторые жёсткие подробности, и они стыдливо решили остаться неозвученными. Но я то их уже помнил...

Белая Соня ищет жертву тщательно. Она наблюдает. Она решает, насколько ты виновен. Насколько ты похож на тех, кто ей нужен. Она всегда выбирает огонь. В его разных воплощениях. Её фантазия не знает границ. И покоя её душе не будет никогда. Встреча с ней означает твой приговор. Ты проклят отныне, можешь прятаться, бежать или бороться, но ты уже мёртв...

Она оставляет для тебя маленькое жёлтое яблочко...

Это уже я сам вспомнил, без Санькиных сказок.

Яблочко, значит. Ну-ну. И в чём же я виновен?

Началась онлайн-трансляция балета, и брат с виноватой улыбкой закончил сказочничать. Уставился в экран телефона. Алинка присоединилась. А Мия загрузила...

Я подмигнул племяншке, и она согласно кивнула. С гордым видом мы удалились из кухни и с удобством устроились в чулане на моём диване.

Удивительно, но Мия пока не просекла наличие такого невероятного сокровища на моем запястье. А может она очень хорошая актриса? Не удивлюсь, если это снова её игра.

Я демонстративно листал меню реста и красноречиво молчал.

Девочка сдалась. Она ласковой лисичкой потерлась о моё плечо.

- Это что у тебя – «Гост»?

- Ну да, - усмехнулся я, - а ты специалист по эйр-ти?

- Ну, у нас в садике, - Мия закатила глаза, продолжая играть в небрежный интерес, - одному мальчику папа отдал своего старого «Призрака», и мы все теперь с ним дружим. С мальчиком... - спохватилась девчушка, - с Кибером дружить немного странно, - Мия внимательно посмотрела на меня, - хотя у некоторых получается.

Я хмыкнул. Богатенький папаша у этого мальчика. Я на своего «Призрака» копил целый год. А тут в садик ребёнку отдать...

- А ты включишь мне мутики? - очаровательно улыбнулась моя хитрая лисичка.

- Тебе про кого? - я не смог устоять и уже разворачивал экран и

выбирал детский режим фьютьюба.

- Конечно, про Невероятного Колобка.

Я надел рест на маленькое запястье Мии.

- Ну, давай, сама.

- Мутики, - постаралась чётко выговорить она.

- К сожалению, ничего не найдено, - бесстрастно отозвалась кибер.

- Му-ти-ки, - сердито повторила Мия.

- У меня все хорошо, а у Вас? - невозмутимый тон ещё сильнее разозлил девочку.

- Я прошу у тебя МУ-ТИ-КИ!

- Попробуйте сформулировать вопрос по-другому.

- Колобок Невероятный, - вмешался я, дабы подавить беспощадную войну кибер- и киндер-разумов.

Под развесёлую мелодию мультяшной заставки Мия удовлетворенно засопела носом и увлеклась процессом. На её ладошках развернулся объёмный рисованный мир. Герои стояли рядом, обманчиво осязаемые, разговаривали с тобой.

А я уже который раз удивился предусмотрительности разработчиков приложения. Картинка обретает чёткость только при оптимальном расстоянии между глазами и голограммой. Стоит ребёнку неосознанно попытаться «уткнуться носом в экран», вместо мультика он видит лишь расплывчатые цветные пятна. Все для защиты детских глаз. Да и взрослых тоже.

Я показал Мии несколько жестов для управления, и она сразу вообразила себя крутым повелителем «Призраков». Даже мутики уже не настолько интересовали её, сколько сам процесс блуждания по закоулкам фьютьюба.

Я даже задремал. Мне что-то снилось про принцессу, живущую в хрустальном замке-лабиринте. И серебряную карету, в которой какой-то злобный гoblin возил эту принцессу на прогулку, а потом снова запирает её в самом сердце замка. А принцесса такая красивая, с веснушками и солнечно-соломенными волосами. И такая печальная. И Колобок Невероятный уже спешит вызволять принцессу из заточения. А злобный гoblin превращает его в яблоко. И он лежит такой, себе на скамейке, а огромный ворон нацелился острым клювом в его сочный, жёлтый бок.

Но далекий, громкий выстрел пугает ворона, он разворачивает крылья, поднимается в небо. В чёрно-дымные облака. И с высоты я вижу дорогу и знакомую телегу с ребятами.

- Дядя Митя, а это что? - шепчет и толкает меня в бок Мия.

Я открываю глаза. В темноте комнаты ярко светится экран на ладошках Мии, но, вместо красочных интерактивных мультиков, я вижу кадры военной хроники.

Остовы сгоревших избушек, чёрный дым, серая земля, пыль, пепел и

ярко-белое солнце.

Знакомая местность... невероятно, но это наше Михайловское. Точно-точно. Расположение улиц, поворот дороги и холмы вдалеке, а за ними чёрная полоса леса.

Из-за поворота показался небольшой отряд немцев. Они вели под конвоем группу ребятишек. Тех самых, детдомовских.

Я посмотрел на Мию. Девочка застыла с широко распахнутыми глазами и, кажется, перестала дышать.

Ребят подгоняли штыками, пока они спускались с дороги к чернеющему невдалеке холмику.

Я судорожно сглотнул. Ребят загоняли в керосиновый погреб. Не всех. Один из немцев крепко держал за руку светловолосую девочку.

- Митя! Митя-а! Митя-а-а! - плакала она, пытаясь вырваться, но лишь только падала на колени. Резким рывком её поднимали снова.

Митя шёл последним. Он виновато оглянулся, едва заметно покачал головой и тут же получил жестокий толчок в спину и резкий окрик.

На крышу погреба уселся огромный серый ворон, вытянув шею, гортанно крикнул уже знакомое мне: «Талу-ун!» и резко сорвался с места. С его лапы свалилось что-то прямо под ноги Мите. Он успел наклониться, но снова получил в спину от подгоняющего их конвоира. Ворон сделал круг над головами разглядывающих его немцев и детей и улетел прочь.

Девчушка только тихо скулила в железной хватке своего конвоира. Оцепенев, она смотрела, как скрылись в темноте керосинового погреба её мальчики. Как следом к проёму подошёл высоченный немец с жестяным баком за спиной, как из ствола огнемёта выхлестнулась ослепительная струя.

Палач отступил вовремя. Уже через пару секунд из зева погреба вырвались сияющие, в мраморных разводах клубы пламени, а потом повалил дым чернее самого чёрного цвета.

В объектив снова попала девочка. Она смотрела прямо в камеру, и в глазах её не было ничего кроме чёрного дыма.

Медленно-медленно она опустила руку в кармашек и достала яблоко. Маленькое белое солнышко.

- Митя, я смогу отомстить! - твердо прошептала она, - я обещаю, что все, кто виновен в твоей смерти жестоко поплатятся за это. И все фашисты отныне приговорены...

Резкий окрик и вновь вывернутая в запястье рука заставили её замолчать. Яблоко упало и покатилося в бело-пепельной пыли. После размашистой пощечины голова девочки бессильно свесилась на бок.

Видеоряд неожиданно оборвался, словно кто-то выключил запись.

Я посмотрел на Мию и понял, что совершенно зря допустил просмотр этого видео.

- Митя... - подала голосок она, сдавленный и хриплый, - а что дальше

с ней будет?

- Всё будет хорошо... - как можно бодрее ответил я.

- А мальчики? Может, они останутся жить? Они же могут спрятаться и не сгореть?

- Конечно, моя Ми, - через силу улыбнулся я, - они спрячутся...

Но слёзы из глаз девчушки не исчезли.

- А это же тот погреб, где мы сегодня были! - неожиданно завопила Мия, - это там мальчики сгорели!!! - и у племянки началась жуткая истерика.

На крик прибежала Алинка, за ней Санёк. Отчаянно рыдая, Мия что-то пыталась объяснить про только что увиденную трагедию, но получалось довольно путанно.

- Совсем не то видео на фьютьюбе налистали... - виновато пожал плечами я.

Мне и самому было тяжело.

Алина увела всё ещё всхлипывающую Мию спать, а я решил показать Саньку причину истерики. И моего смятения.

Только видео исчезло. Фьютьюб сбился со своих цифровых ног, услужливо предлагая мне сначала сплошные похождения Колобка из истории просмотров, затем кучу видео времён войны по специальному запросу, потом снова история просмотра...

- Сань, я тебе клянусь, я видел. Наше Михайловское. Здесь характерный ландшафт, не перепутать. И погреб. Там сожгли ребят.

- Партизан, - неуверенно кивнул Саша.

- Ты понимаешь, детей! А её заставили смотреть! Её, маленькую девочку!

Сашка растерянно уставился на меня.

- Её звали Соня? - спросил я у темноты затаившейся под потолком чулана.

- Чего-чего...

- Она Белая Соня. Она мстит за смерть мальчиков, и особенно своего любимого Мити. Это её я видел на повороте, в день отъезда. Это она оставила яблоко на нашей лавочке. И на скамейке Иринки, - тут у меня в голове снова сработал какой-то рычаг, и я понял ситуацию глубже, - это я виноват в том, что они сгорели в этом погребе. Мы с Иринкой.

- Митя, ты не в себе?

- Мы сожгли солому. Мы лишили их лёгкой и не такой страшной смерти.

- Солому? Сожгли? Когда? - брат пытался выстроить логическую цепочку, но получалось никак, - Зачем? - первый дельный вопрос.

- Давно, десять лет назад. Затем, чтобы остановить зло. Но сделали только хуже.

- Ничего не понимаю.

А я не понимал, как мне всё это объяснить.

- Сань, вам, наверное, лучше домой прямо сейчас...

- Нет уж, я тебя не брошу.

- Мию с Алиной...

- Отвезу утром, а сейчас ты мне всё подробно расскажешь.

Спать мы не ложились долго. Алинка убаюкала Мию и тихонько присела рядом. Они с Сашкой слушали меня с открытыми ртами. А я собирал несобираемый пасьянс, попутно объясняя странные и путанные правила местных мистических фокусов. Фокусов с фокусом камеры...

Девчонок Сашка увёз рано утром. Пообещал, что это всего на один день.

Если бы не Мия, Алина бы осталась. Она очень боялась за Сашку и за меня. Но ещё я знал, видел по глазам, что ей жизненно необходим новый сюжет. У неё давно не получалось действительно интересных и страшных историй. Она хотела быть вместе с нами.

Но всё-таки села в машину, сердито хлопнув дверью. Мия долго махала мне через заднее стекло.

Где-то в конце улицы Санькин «Дастер» разминулся с серебристым «Линком» и сердце моё упало. Затрепыхалось где-то на уровне коленей. Пятнадцать невозможно долгих секунд понадобилось, чтобы машина притормозила у дома и со стороны водителя вышла Ирина. В нежно-розовом комбинезоне и белоснежной косынке на шее.

- Зачем ты приходил вчера? - строго спросила она, вместо приветствия. От машины она не отошла, и я ежесекундно представлял себе критический момент открывания двери.

- Гуляли с племянницей, - нейтрально оправдался я, хоть сохранять невозмутимый вид было тяжело.

- Ты следишь за мной?!

- Я понятия не имел, что ты здесь. Вы же продали дом.

- Да, - Иринка отвернулась, плохо скрывая смущение, - А Антон выкупил его снова, для меня и моих родителей.

- Антон... - с лёгкой усмешкой повторил я.

- Да, он неплохо зарабатывает.

- Богатый и без жутких историй в прошлом, - тут я сам себе добротный такой подзатыльник отвесил, мысленно. Ну не мог я промолчать...

- Мить, пожалуйста, не говори так... - Иринка кусала губы, хмурилась, теребила уголок косынки.

- Ириш, тебе лучше уехать в город прямо сейчас.

- Да ну?

Резко вскинутая бровь, рука на поясе и до натянутых нервов знакомая, вредная улыбка. Моя Валькирия вернулась. Не моя...

- Мы сделали только хуже... Тогда... Мы никого не спасли. И теперь

ты в опасности. Скажи, что ты помнишь о Белой Соне?

Ирина опустила взгляд:

- Я точно помню, что всё было не так... - глухо отозвалась она, - совсем не так. Но временами я запутываюсь в воспоминаниях.

- Что ты помнишь про маленькое жёлтое яблочко?

- Митя! Ты веришь в эти сказки?

- Такие сказки нынче стали былью. Вчера на вашей чугунной скамейке, а позавчера - прямо здесь... - я кивнул назад, на старенькую лавочку у дома.

- Ты хочешь сказать, что она выбрала нас? Но почему? То есть, за что?

- А историю про партизан, которых сожгли в керосиновом погребе, помнишь? Это наши спасённые Соломенные.

- Не может быть, - Иринка побледнела, - но мы же не хотели так...

- А Соня осталась жить, но вероятно совсем ненадолго. Сначала на её глазах сожгли мальчишек, потом... - я покачал головой, - извини, я снова пугаю тебя.

- Откуда ты знаешь всё это?

- Сложно сказать. Искусственные воспоминания, случайные видео в Нете.

- В Интернете? - Ирина не смогла скрыть усмешку.

- Ага, здесь получаются очень забавные эффекты. Частенько в объектив попадает прошлое.

Ира тяжело вздохнула:

- Да я помню.

- Ириш, я прошу тебя, уезжай как можно скорее. Она всегда использует огонь. Постарайся держаться подальше от него, и от этих мест... и от меня тоже...

Последняя фраза - словно тяжёлый камень со скалы, невыносимо и необратимо. Необходимо.

Затянувшуюся тишину разорвал лицензионный рингтон Хрома. Иринка достала из сумочки телефон.

- Да, Антон, сейчас приеду, - ответила она как-то сердито. На мой взгляд.

На что надеюсь я? Идиот. Я ведь совсем не герой. А у этой девочки есть всё, о чем можно мечтать. Обожающий её Антон, своя и немаленькая оранжерея, шикарная машина и даже Хром последней модели. С три-эс звучанием и технологией экрана – «велюр». Кстати, переходным мостиком, старшим братом моего «Призрака». Только я на него целый год пахал на самых интенсивных проектах. Интересно, какие линии ведёт Антон...

- Митя, мне пора.

Ирина медленно открыла дверь авто, села, не глядя на меня, завела двигатель. Мне показалось, её ресницы дрожали, а тонкие пальцы до бела

вцепились в руль.

Нет, все это игра моего воображения, не так уж много можно рассмотреть в полумраке салона Линка. Машина унеслась. Иринка послушалась меня. Где-то очень глубоко, в самых тёмных закоулках сознания я был разочарован.

Надо было собраться с мыслями и придумать план действий. Мне совсем не хотелось повторять судьбу Рудика и Расима. И я знал местные фото-видеосекреты. Кое-какие мысли у меня уже были.

Во-первых, что уронил ворон под ноги Мите? Помнится, прошлый раз межвременным трансмиттером была собака... Неважно. Важно сосредоточиться и вспомнить, мог ли это быть мой рест? Определенно, я бы даже сказал - зеттабайтно. Хорошо, где мне теперь найти эту птицу? И главное - для чего? Как передача реста Мите поможет им и мне выжить?

Во-вторых, вспомнился Санькин рассказ. Лопаты, винтовка... Царапающие стены диггеры. Маска, судя по Санькиным описаниям, - Стерха - главного злодея из последнего сезона «Сильных». Все чудесней с каждым днем.

Вот балбес! Я же могу посмотреть это видео. Только бы Нокию получилось оживить.

Я выкатил из угла двора экспотул, осторожно поднял клеммы аккумулятора. Где-то тут у Саньки ещё вольтметр был...

Электрик из меня - так себе...

Это я понял, отдыхая у дальней стены двора. Волосы дыбом, в пальцах ледяные иголки и отчётливый запах паленого.

«Эй, ОНА всегда использует огонь. Осторожнее», - то ли заботливо, то ли ехидно подсказало мне подсознание.

Вторая попытка реанимации телефона имела успех. Вольтметр выдал десятые доли выше нуля и уровень заряда плавно побежал вверх. Минут через десять, когда этот поток изменяющихся цифр притормозил, я отцепил маленького прямоугольного пациента от аппарата жизни-электрообеспечения. Почистил контакты, установил аккумулятор в телефон, включил.

Коварный Санёк запаролил вход. Вот что за вредный ребёнок? Интересно, он сам-то вспомнит его?

Запястье как-то странно трянуло, беззвучно. Вызов с неизвестного номера.

- Ответить.

- Дмитрий? Здравствуйте, - незнакомый мужской и раздраженный голос, - Это Антон. Ирина просила передать, что Вы были правы. Опасайтесь огня. Она сказала, Вы поймёте.

- Что с ней?! - голос сам сорвался на крик.

- С ней всё в порядке. Только нужно будет провести пару дней в криоцентре. Она в безопасности. А вот моя машина...

- Что с Ириной?!

- Мой дорогуший Линк просто превратился в электрокамин. У самого дома, Ирина даже припарковаться толком не успела, как вся электрика... Выгорело всё... Восстановление будет стоить огромных денег. Поэтому, слушайте, чем бы вы там не занимались, я требую не вмешивать Ирину.

- Мне можно поговорить с ней?

- Я думаю, не стоит, Дмитрий, - тон собеседника приобрел жёсткость.

- То, что она хотела Вам сказать, я озвучил. В дальнейшем общении смысла не вижу.

- Вызов завершён, - съехидничала кибер.

- И без тебя догадался, - я с силой тряхнул запястьем. От удара током у «Госта» вероятно настройки сочувствия и такта сбились. А может, их и не было... Не о том думаю! Иринка пострадала от огня и электричества. И виноваты в этом Белая Соня и я.

Я отправил аккумулятор на дозарядку. Сам завис на фьютьюбе, в попытках всё-таки отыскать то видео, хотя уже догадывался, что его пока никто не записал.

Откуда? Откуда у меня это знание? Ну ладно, искусственные воспоминания, с этим смирился уже. Но вот что за странные предвидения? Хотя, десять лет назад, на дороге рядом с телегой, я точно знал, что делать, и что будет дальше.

Вскоре вернулся Саша. С боевым настроением и кое-какими сокровищами в багажнике. Сразу начал хвастаться.

Он просто светился от восторга, поглаживая лакированный деревянный приклад старинной винтовки.

- Митька, это трёхлинейка Мосина! Помнишь, я рассказывал тебе. Я же нашел такую же, как на той фотке и купил. Теперь вот захватил на всякий случай, вдруг пригодится.

- Ага, с винтовкой оно, конечно, проще будет, - я мотнул головой, - Иринка пострадала...

- Как? - опешил Санёк.

- Звонил ее Антон, сказал, чуть в машине не сгорела. Сейчас в криоцентре.

Сашка схватился за голову.

- Давай тоже в город! Я отвезу тебя, прямо сейчас.

- Сань, я тебе вчера всё объяснил. Я не смогу спрятаться, я должен это исправить, хотя бы попытаться...

- Но как?!

- Ну есть некоторые мысли... Ты пароль от своей Нокии помнишь?

Санькины брови уползли вверх. Да так там и остались до того момента, как я сунул ему под нос включенный телефон. Тут брови вернулись на место, сдвинулись, будто принялись совещаться, а затем расслабленно улеглись на местах. Пароль Санёк помнил. Телефон работал.

Только мы так и не решались открыть галерею. Стояли друг напротив друга, готовились, как солдаты к битве.

- Мить, я понял, что это была за маска. И она тоже в моем багажнике.

- Стерх? - шумно выдохнул я.

- На выезде из города в палатке прикупил...

- Осталось придумать, зачем всё это?

Фотография была на месте. Она оказалась единственной фотографией на этом телефоне. А вот видео не было, никакого. Ни того, которое бы хотел увидеть Сашка, про погребкопателей с винтовкой, ни того, на которое надеялся я, про фашистов и огнемёт.

- Да, я телефон тогда просто бросил, и он ничего не сохранил, - разочаровался Санёк.

Зато на фотографии над холмиком виднелось белесое пятно, похожее на девочку в белом. Со странно протянутой рукой. По спине пробежал мороз, и пальцы крепко держащие телефон вдруг разом похолодели и ослабли.

Захотелось потянуть. Саня предусмотрительно купил в городе синих никостеков. Пока я, на крылечке двора, приводил в порядок мысли, Санёк наматывал круги внутри. После его уборки многие вещи повылазили из пыльных закоулков и никак не хотели возвращаться на места.

- Мить, - подал голос брат, - эта царапалка тоже... из погреба... Ей стены, тот - второй, царапал.

Я подошёл к стеллажу с инструментами. Ржавая, криповатого вида железка, похожая на «кошки» электрика. Помнится, ей Агнюша рыхлила грядки. Лопаты тоже рядом стояли.

По крыше двора кто-то настойчиво застучал коготками. Я выглянул, и в тот же момент вверх с конька сорвался ворон. Царственно расправив крылья, он полетел в сторону Пастушкиного оврага.

- Ты что там снова увидел? - Санёк выглянул следом.

- погоди, мне нужно сходить к... Надо найти его, - я кивнул наверх, - Жди меня здесь. Вернусь - все расскажу, - не дожидаясь пока Санек сможет ещё хоть что-то спросить, я рванул со двора.

Подъем в гору дался тяжелее обычного, ноги не шли. Они, вероятно, не хотели, чтоб мои глаза увидели то, что должны увидеть. Я ещё не помнил точно, что сейчас будет, только догадывался.

Через камеру солнечный свет собирался в ожерелья ярко-белых кругов на бледном, выгоревшем небе. Все альфы-, беты- и гаммы-составляющие жёсткой инсоляции насквозь прошивали пейзаж, делая его невероятно контрастным.

Яблоня у оврага всё также ломанно подставляла свои ветви горячему солнцу. В пожухлой траве лежали яблоки. Перегретый солнцем сок расплзался прозрачными, янтарными пятнами под тонкой кожицей.

Через динамик я услышал смех. И через несколько секунд из-за

склона показались ребята. Чумазные и уставшие, но обрадованные внезапной удачей. Они принялись торопливо собирать упавшие яблоки в брезентовый рюкзак. Я узнал их, сомнений быть не могло. На дороге ждал старый знакомый безногий дед на старой знакомой телеге. Митя тревожно вглядывался вдаль, куда-то мне за спину. Будто ждал кого-то, высматривал.

Я постоял немного, пока ребята не собрали урожай и вернулись на телегу. Митя протянул одно из яблок лошади. Обернулся и странно прищурился, словно подмигнул. Лошадь чуть тронула его ладонь большими мягкими губами и с благодарностью приняла угощение. Закивала, прожевывая и стараясь не выронить яблоко. Белая пенистая слюна закапала на пыльную дорогу.

Телега тронулась. А я пошёл рядом.

- Включи запись, - скомандовал я, и в воздухе около моей ладони пошёл отсчет призрачно-голубыми цифрами, сразу и время, и вес. А я тут же пожалел, что не успел очистить свой вирт-тер перед отъездом.

Ребята негромко переговаривались. Через динамик я слышал, как Митя рассказывал об отрядах партизан. Что неплохо было бы примкнуть к кому-нибудь. Или самим собрать отряд. И про спрятанные в местных лесах тайники с оружием. Я видел какими глазами смотрела на него Соня.

Солнце безжалостно прижаривало плечи и затылок, заполняло уши белым шумом, давило на глаза. Я уже с трудом поднимал взгляд, чтобы проверить дорогу в настоящем. Под ноги то и дело попадались камни, выползшие за десятилетия на поверхность. Каждый шаг давался с трудом. Ноги не двигались, я словно продирался сквозь полужастывшую смолу. А телега уезжала всё дальше, увозила ребят на встречу гибели, и я пока не помнил, как я мог бы их спасти.

Когда они скрылись за ближайшим поворотом, солнце навалилось на меня всей своей оглушающей тяжестью. Оттуда же, из невообразимой, неподвластной взгляду высоты полился, до нестерпимой боли давящий на барабанные перепонки, уже знакомый мне протяжный стон. Глубокое, инфразвуковое «А-А-А-А». До дрожи во всем теле, до отказов всех систем. Оно заполнило собой пространство, поглотило и свернуло время в петлю, закольцевав все будущие и прошедшие события....

Ноги отказались слушаться, я рухнул на песочно-пыльную обочину дороги. Я тщетно пытался вдохнуть, но воздух превратился в пережжённую сахарную массу. Он застывал в лёгких тягучими, обжигающими нитями. А с высоты новыми и новыми волнами накатывал тяжёлый гул, лишая сил, сминая спину, вжимая меня в землю.

А горле стоял отчётливо ощущаемый, кварцево-сладкий, сулящий беду и смерть запах... солнца. Оглушительно громкий.

Я валялся в дорожной пыли, с трудом пытался поднять голову, чтобы хоть что-то разглядеть и опознать остатками то и дело ускользающего

сознания.

Сквозь струящийся, перегретый воздух я вдруг увидел Её. В дрожащем мареве, в белом платье ко мне шла девочка. Небесный стон словно спустился ещё на одну октаву, так что заломило уши. Несколько бесконечно долгих секунд, и прямо перед собой я увидел истрёпанные коричневые сандалии. Соня присела рядом на корточки. Погладила мои волосы. От прикосновения её рук по телу словно побежал огонь. Кожа на щеке, что была повернута к солнцу вдруг натянулась, потом будто вздулась сплошным пузырем. И следом все открытые участки тела подверглись безжалостному сожжению. Я чувствовал, как набухают и лопаются огромные волдыри на моих плечах, шее, предплечьях, икрах. Как вместе с тягучей, вскипевшей лимфой сползают лоскутки кожи. Как безжалостное солнце за спиной Сони испытующе смотрит на розовую обожженную плоть и ни на секунду не отводит испепеляющего взгляда.

Я закричал, но не услышал своего голоса. Он тонул во всепоглощающем гуле солнца.

- Хочешь узнать, что они сделали со мной? - голос Сони прорезал бесконечный шум. Во внезапно наступившей абсолютной тишине я слышал его ясно и отчётливо, - Ты же видел, что стало с Митей и мальчиками? А знаешь, как спокойно и хорошо мне было в стогу соломы? Страху не было, потому что он лежал рядом. Он держал меня за руку. Я не боялась умирать. А ты боишься?

- Мы хотели... чтобы... вы все... остались... жить...- едва разлепляя губы, прохрипел я.

- А я хотела быть рядом с ним.

Краешки ран начинали прижариваться, одеваться кружевной, сухой корочкой, с черно-угольными краями. Я чувствовал, как кожа натягивается и лопается, слой за слоем, и в зияющих, глубоких трещинах закипает с тихим шипением кровь. Такая концентрация боли парализовала тело, а то, что ещё пыталось называться разумом, уже отчаянно желало конца.

- Видела бы... в кого превратились... под фашистскими... пулями в стогу... - кажется, и голоса у меня не осталось, только булькающие, судорожные хрипы, - Вы же... людей... сжирали... а Митя твой... на птичьих лапах...

- Не тебе судить, кто лучше.

- Не тебе... судить... кто виноват...

Вдруг я услышал хлопанье крыльев. Совсем близко, почти на головой.

- Прочь, крылатая дрянь! - крикнула Соня, - Не смей мешать мне! Он виновен!

Ворон кружил надо мной, и тень его крыльев закрывала меня от беспощадного прицела солнца. Даже боль отступила на возможность вдоха.

- Прочь, прочь, - кричала Соня, - прочь!!!

Я видел из спасительной тени, как лучи солнца прошивали её

насквозь, она становилась прозрачной и таяла белым туманом. Она рухнула на колени.

- Прочь лети!!! - услышал я отчаянный крик и девочка исчезла.

Ворон сделал последний круг и сел рядом. С остервенением начал клевать моё запястье.

Я смог сдвинуть «лок» о какой-то острый камень торчащий в пыли, и рест свалился с руки. Ворон ступил в его полукружье. Я чуть подтолкнул пальцем свободные концы браслета, магниты сделали своё дело, и рест защёлкнулся. Птица захватила его цепкими сизыми пальцами.

Я едва смог перекатиться на спину. Поднимая тучи горького и колкого песка, надо мной снова захлопали крылья. Ворон завис прямо перед лицом, и жёсткие маховые перья хлестали меня по щекам, сдирая лохмотья обожжённой кожи и присыпая раны пылью.

- Нет... нет... просто оставь меня... отстань, - я попытался закрыться рукой, но ворон хлестал все сильнее.

- Митька, приходи в себя! - крикнул ворон Санькиным голосом и исчез. На его месте появился Санька с занесённой для очередной пощечины ладонью, - Митяй, ты живой, - выдохнул брат с облегчением, - Вот держи, пей срочно.

К моим губам прикоснулась пластиковая трубка и на язык попала солоновато-кислая жидкость гидролита. Пара глотков и сознание прояснилось.

- Солнечный удар, - прокомментировал брат, внимательно оглядывая меня.

Я поднял руку, чтоб оценить степень ожогов, но их не было. Кожа оказалась абсолютно целой. И на руках, и на ногах. Я тронул щёку и почувствовал едва пробивающуюся щетину. И боль оказалась фантомной.

Я сел, с наслаждением глотая живительный гидрококтейль. Рядом стоял Санькин «Дастер», у открытой двери, в пыли валялась выпотрошенная аптечка. Брат сидел передо мной на коленях с таким потерянным и жалким видом, словно это его чуть заживо не сожгли.

- В порядке? - просипел он и протянул руку за гидролитом.

Я отдал ему баллончик и глянул на своё пустое запястье:

- Ну, в целом, получилось.

- Чего получилось?

- Рест им передать.

По дороге домой пришлось вкратце пересказать происшествие, и некоторые соображения на будущее, то есть прошлое, высказать.

- Я только не могу понять, почему время в фокусе камеры... размыкается? - вздохнул Санёк.

- Правильный вопрос - зачем. И все остальное тоже. Возможно образуется что-то вроде временной петли между двумя линзами двух объективов. Как зеркальный коридор... И ещё. У кого была вторая камера,

когда ты фотографировал погреб? И в тот момент, когда мы с Иринкой видели старика на дороге? И потом тоже...

- Потом?

- Когда солому сжигали, в восемнадцатом. Что-то совсем странное творилось. Сплошные расфокусировки...

Брат замолчал, сосредоточился на дороге, которая при въезде в деревню превратилась в две глубоких колеи, угрожающих посадить даже отнюдь не низкий «Дастер» на подвеску. Проехав сложный участок, брат снова вздохнул:

- Звонила Мия, спрашивала, как ты.

- Мне интереснее, как она.

- Всё не может принять, что ребята погибли.

А мне вдруг вспомнились её слова о том, что мальчики могут спрятаться и не сгореть...

- Точно! Она у тебя гений! - воскликнул я, - мальчишкам надо спрятаться!

Санёк посмотрел на меня как на полоумного. А я уже продумывал сумасбродный план дальнейших, бессмысленных на первый взгляд, действий.

Во-первых, собрать все необходимое: лопаты, винтовку, царапалку и маску Стерха. Во-вторых...

- Сань, а как выглядели те погребокопатели?

- Да примерно, как мы сейчас - грязно-пыльные и лохматые.

- Ну все, пасьянс сошёлся.

В следующие полчаса мы ставили у входа в керосинку лопаты и винтовку в полном соответствии с фотографией. Потом спустились в погреб. Нокию со включенной камерой я пристроил в каком-то выступе кирпичной стены, так, чтобы фокусы совпали сразу, как только два перепуганных пацана, на подгибающихся ногах зайдут внутрь. Экспертом по этой реконструкции выступал Санёк. Уж ему ли не знать. А факт, что он сам себя сейчас испугает до чёртиков, смешил его до них же. Сумасшедший. Наконец, он нацепил маску Стерха. Я отвернулся к стене, старательно сдерживая нервный смех, принялся возить царапалкой по кирпичам. Смысл наших действий мы представляли слабо, но свято верили в успех дела.

То и дело мы поглядывали на экран телефона. И чудо не заставило себя ждать. Со скрипом открылась ржавая дверь, по лесенке полился слабый вечерний свет. И к нам спустились два семилетних пацана. По их судорожному вздоху мы догадались, что фокусы удались, в смысле - совпали, и мы друг друга видим.

С самым устрашающим видом Санёк протянул руку. Через время и пространство, ага. И сам же завизжал, как девчонка, выронил сотовый. И в тот же момент мы взаимно исчезли. Связь времён оборвалась, оставив

Нокию и Сашку без их прошлых версий. В смысле, телефон, упавший на пол, остался в своем времени. А тот же самый телефон в углублении стены всё ещё продолжал снимать.

Продолжал снимать, как моя царапалка удачно зацепилась за какой-то выступ в крошащейся кладке и с хрустящим песочным шорохом из стены вывалился кирпич.

Мы застыли, глядя друг на друга, а рука моя сама нырнула в получившуюся нишу.

- Там полость, - выдал я, бесстрашно просовывая руку дальше.

Мы быстро разобрали кирпичную стену, вытащили на поверхность красно-белое крошево, углубили лопатами нишу. В общем, на славу потрудились.

Ну, может среди тех ребят, и Слава был...

Ох и странные мысли в голову приходят. Верно от нервов.

Нет, всё отлично. Спасительная ниша подготовлена. Теперь бы её в нужное время доставить. Ровнехонько в август сорок первого.

Это надо снова с камерами поколдовать. Только как?

Их должно быть минимум три. Одна снаружи. Вторая у ребят. Третья внутри погреба. И кто-то должен быть там, встретить мальчишек и за несколько секунд спрятать их в нише за стеной. Рискуя поджарится вместе с ними, если что-то получится не по плану. По плану, которого ещё нет.

А у дома меня ждал сюрприз. Такой, что из машины я натурально выпал.

На нашей лавочке сидела моя Иришка.

- Мить, - вскочила она, едва увидев меня, - надо поговорить. Это всё стало очень серьезно. И времени осталось мало.

- Знаю, попробовал уже, - усмехнулся я.

- А вы такие... - Иринка с подозрением оглядывала нас, - Что-то ещё случилось?

Я проводил её на кухню, усадил подальше от газовой плиты. Пересказал, кажется, несколько сумбурно, происшествие на дороге, про мой солнечный удар. Про Соню. И про ворона, который сбросит рест под ноги Мите.

Иришка задумчиво молчала, смотрела на меня сочувствующе. И ещё как-то так, что начинало нестерпимо ныть за грудиной.

- А ты же должна быть в криоцентре? - вдруг спохватился я. На руках и шее моей - чужой девочки ещё оставались белесые полосы от криопластических сеансов.

- Я сбежала. У меня был оплачен только самый минимум процедур, Антон сказал, что восстановление машины будет стоить дорого и нужно экономить. Но не это главное! Мить, пока я была в криосне, я узнала... Я поняла многое. Но всё это слишком странно и запутанно. Я даже не знаю с чего начать... Я была там... то есть, тогда... И я хотела тебя... - в глазах

Иринки я увидел слёзы, - нет, Мить, это была ОНА. Это делала Белая Соня. Я видела её глазами, как она сжигает тебя, но не могла тебе помочь. Она хотела, чтобы я всё видела. Прошное не менялось с далёкого восемнадцатого года, и в этом прошлом тебя и мальчишек сожгли в керосиновом погребке. А она мстила за тебя. Ещё я видела, как сгорел в машине Расим, и ещё какой-то парень умирал в больнице в горячем бреду. Она всё это пропустила через меня. Мне кажется, она сделала это, чтобы мы начали действовать.

- И у неё получилось, - невесело усмехнулся я, - «Призрак» на лапе ворона, дети на пути к керосинке...

- А ещё у нас в активе есть ниша в недрах погреба, - вмешался Санёк, - в ней, как в кармане можно спрятать мальчишек. Но что делать с Соней?

Иринка задумчиво погладила лоб, повернулась ко мне: - Что там на твоём видео?

- Запись обрывается в момент, когда Соню...

- Что с погребом?

- Из двери - чёрный дым. Видимость нулевая.

- Хм...

- А ещё у нас есть винтовка Мосина, - снова похвалился Санёк.

- Совсем хорошо, - хмыкнула Иришка, - а откуда?

Сашка не без гордости заявил, что увидел её на фотографии из детства. И потом весь Интернет перерыл в поисках именно такой же.

А я решил показать это фото в памяти Нокии. Пока Санька вкратце пересказывал историю его появления, Ирина внимательно рассматривала фигурку девочки.

- Смотри, как она держит запястье, - Иришкин тонкий пальчик с острым, прозрачным ноготком едва слышно стукнул по экрану телефона, - ой, отвыкла от жёстких, - фыркнула она, - смотри, оно вывернуто неестественно. Без привычки - неудобно.

- Она снимает через мой рёст, - охнул я.

Иринка самодовольно кивнула:

- А ещё, я помню - но это воспоминание из криосна - что в сумерках на дороге тоже стояла она, когда мы видели смерть того старика. Точно также... Мить, тогда на соломе, когда мы...

- Вот теперь я тоже её вспомнил. И всё остальное.

Но вот этих воспоминаний Ирина не хотела. Я видел, как вдруг поменялось её лицо. На пару секунд она превратилась в ту влюбленную, отчаянную девчонку, рассердилась на себя, смутилась под моим пристальным взглядом, наконец, снова, к моему сожалению, взяла себя в руки.

- Вот поэтому, в объектив попало прошлое. Мить, ты понимаешь меня?

Я замороженно смотрел на девушку. Мне-то воспоминания очень

нравились:

- А что ты ещё помнишь?

- Видимо, больше, чем следовало, - буркнула она, - Митя, мы не о том говорим сейчас!

- Да, извини...

- Винтовка... - Ирина задумчиво уставилась на Сашку.

- Тот, кто спрячет мальчишек в погребе, может передать им оружие, - радостно выдал Санек, - только кто это будет? - как-то резко он сник.

- Я. Кто же ещё?

А Иринка посмотрела на меня такими глазами...

- Митя, я пойду с тобой.

- Нет, ты мне нужна со стороны. У тебя тоже должна быть камера. Необходимо держать все происходящее в фокусе, иначе я могу не вернуться.

Иринка едва-едва покачала головой.

Я вышел во двор. Расчехлил винтовку, посмотрел в прицел. На секунду мелькнула мысль: может, стоит самому этих немцев уложить, а не доверять такое дело мальчишке? Хотя я и сам ни разу не стрелял. Ещё неизвестно, у кого больше шансов. Да и какой из меня герой? Пугало огородное. О! Соломенное.

Меня отвлек громкий шёпот Иринки в сенях:

- Сань, пожалуйста, это очень важно. Камера должна работать.

- Да, я всё понял, - поспешно отвечал братец, спускаясь во двор.

Заметив меня, они резко замолчали.

Иринка взяла меня под руку:

- Пошли.

Белый песок на дороге светился от яркого солнца. Пережжённая пыль скрипела на зубах. Горячий воздух при каждом вздохе обжигал горло и лёгкие. Чехол винтовки даже сквозь футболку натирал плечо. Бесконечный поток фотонов словно вытравил все краски из окружающего пространства, обесцветил дальние и ближние декорации. И кромку леса на горе у горизонта, и дома соседней улицы и высушенную, хрустящую траву под ногами на протоптанной в это лето тропинке к керосиновому погребу.

Иринка только заглянула внутрь. Спускаться я ей не разрешил. Почему-то.

Высоко в блёкло-синем небе кружил ворон. Он ждал.

Я знал, что на его лапе висит мой «Призрак». И знал, что его камера работает. Просто знал и всё. Иначе не могло быть. А значит, у нас всё получится.

Ирина достала свой Хром. Посмотрела через экран на дорогу.

- Вот они! - почти крикнула она.

Я успел взглянуть. Знакомые кадры. Начало ТОГО САМОГО видео.

- Только не отводи, - прошептал я и скрылся в темноте погреба.

Я встал напротив входа, вытянув вперёд руку с включенной камерой Нокии. Я знал, что Митя успеет поднять мой рест. Я знал, что фокусы совпадут сразу. Иначе... Ну вы поняли...

В погребе внезапно стало тяжело дышать. Виной тому был тошнотворно-сладкий запах керосина, остатки которого разлились по земляному полу из опрокинутых бочек. По одной из стен на полке вдруг выстроились мутные бутылки, запечатанные сургучом. Кирпичи маслянисто поблёскивали в темноте, пропитанные парами горючего. Только спичку поднести...

А ещё секунду назад ничего этого не было. Значит, получилось...

Ребята уже спускались ко мне навстречу. Я видел их на экране.

Вот чёрт, прямо сейчас здесь будет очень жарко.

Буквально пару секунд мы с первым пацаном пялились друг на дружку. Потом я резко толкнул его в сторону, ухватил за плечи второго и отправил туда же, в спасительный карман за стеной. Следующие уже поняли всё без слов. Рванули сами.

И вовремя. Я еле успел протиснуться к ним, как спину и бок охватило чудовищным жаром. За стеной жутко загудело, завывало. И воздух разом закончился. Несколько долгих секунд мы стояли, прикрывая лица ладонями от нестерпимого жара. Пытались вдохнуть и не могли. Мальчишки начали кашлять.

Огонь тоже захлебнулся в бессильной ярости. Жадно облизал стены и пол, но без кислорода свернулся клубами едкого дыма и повалил наружу, прочь от заманчивых лакомств душегубки.

Я протянул Мите раскалившуюся винтовку. Он молча принял дар, понимающе кивнул. И пока ещё не успел рассеяться дым, рванул наверх по лестнице. А я, пытаясь глотнуть хоть чуть-чуть воздуха, ради общей безопасности придержал остальных безоружных и сильно кашляющих героев.

В ушах шумело, но я всё же услышал выстрелы трёхлинейки и... в промежутке - автоматную очередь. Вот именно, автоматную...

Как я мог упустить это из виду? Подвергнуть опасности мою Иришку? Почему я раньше не задумался о причине, по которой видео странно и резко обрывается?

Как только Митя поднимется на поверхность, фокусы «Призрака» и Храма совпадут. И Ира окажется здесь...

Поздно. И, кажется, все гораздо хуже, чем можно себе представить.

У немцев ведь есть кое-что поэффективней огнемёта.

После тёмного погреба солнечный свет больно ударил по обожжённым глазам. Сквозь слёзы я увидел чёрные валуны тел, лежащие на дороге. Немцы были убиты. Рядом, обессилив от шока, сидела Соня. Она низко опустила голову, плечи её вздрагивали. Митя опустился рядом, прижал девочку к себе. Грациозным прыжком около них приземлился

ворон.

А чуть вдалеке, в той же самой белой дорожной пыли лежала моя Иринка. Рядом с её вытянутой рукой валялся Хром, а на небесно-голубой футболке расцветал чёрно-алый цветок.

Я подбежал, упал перед ней на колени. Глаза закрыты, ни пульса, ни дыхания. Выстрел в грудь. Но это же невозможно! Она из другого времени! Она из другого мира! Она не может умереть здесь...

Нам надо просто вернуться. Там она будет жива! Нам нужен кто-то с включенной камерой в нашем времени.

Я никак не мог осознать масштаб и непоправимость трагедии и беспомощно озирался. И все чётче осознавал, что герой из меня - никакой. Тюфяк соломенный.

Рядом с Митей и Соней, что так и сидели в обнимку, не шевелясь, собрались остальные ребята, испуганно и с интересом поглядывали в нашу сторону. В дорожной пыли валялся мой рест. Ворон неспешными прыжками подобрался ближе, снова уцепил лапой браслет. Взмахнул крыльями, пронёсся над моей головой и взмыл в небо. Полетел назад, к Пастушкиному оврагу. Вслед я поднял Нокию с включенной камерой.

- Э-эй!!! Верни нас!!!

Из недоступной вышины донеслось знакомое, гулкое: «Талу-ун!»

Блёклое, выцветшее, почти белое небо. Оно плыло надо мной, покачивалось. В такт этому покачиванию едва слышался скрип. Над ухом кто-то тихонько сопел, а на плечо нежно давила тёплая тяжесть чьей-то маленькой головки.

- Все спит и спит. Вот Соня-то! - тихий шёпот за спиной.

- Митя-а, - хнычет кто-то, - я есть хочу.

Я резко вскинул голову. Мы на телеге, рядом дети. Я Митя. Соня спит на моём плече. Впереди безногий дед.

Нет, нет, нет! Этого не может быть. У меня же там Иринка... умирает!

- Иринка, просыпайся, - толкает Соню в плечо тот самый - первый в погребё - пацан.

- Отстань, Славик! - отмахивается она.

Иринка? Славик? Сто-оп... Соню зовут Ира? И про Славу я ведь случайно придумал, когда карман копали. Правда ведь - случайно?

Впереди за холмом виднелись тёмные кроны деревьев. Я знал, что это Пастушкин овраг. А около него растёт яблоня.

Ну что ж ...

- Ребят, - голос мой немного тоньше, то ли от волнения, то ли от того, что мне снова пятнадцать, - там должны быть яблоки. Пошли, проверим!

Мы карабкались по крутому склону, а на спине Славика болтался брезентовый рюкзак. Завидев яблоню, ребята обрадовались, заулыбались. Над полем разнеслись радостные смешки и перешёптывания.

Пока ребята собирали яблоки, которые я нечаянно стряхну через несколько десятилетий, я пытался рассмотреть себя, ворона, да хоть что-нибудь из своего времени.

И мне было очень интересно, по какому сценарию мы играем.

Я угостил лошадь яблоком. Подмигнул себе - тому. Всё по чесноку, без обмана. От правил не отступаем. Потом уселся на телегу и принялся сочинять или вспоминать свою-Митину патриотическую речь про партизан. Я ведь уже слышал её через динамик реста. Что-то про тайники с боеприпасами надёжно укрытые в этих лесах. Сам удивлялся, откуда у меня эти знания.

Попутно разглядывал Соню, которая Иринка. Немного младше моей девочки, а может, так кажется из-за худобы. Но вот глаза - точно моей любимой, и волосы - светлые, соломенные. Только висят сосульками, пропитанные пылью или сажей, обрамляют чумазое, веснушчатое лицо.

Захотелось хоть как-то развеселить её. Придумался классный фокус с персиками. Повелись все!

Так вот откуда их «сладкие персики»! Это, значит, я придумал. Это, значит, я на птичьих лапах...

Я представил, как тащу в гору тело Расима, высасывая из запястий кровь. Как швыряю его на растерзание своим Соломенным. Он, конечно, тот ещё ... но чтоб так...

- А немцы злые? – пищит Егорка.

Немного подумав, я отвечаю ему внезапно вспомнившимся словами отца.

А дальше всё снова словно чужое кино.

Дорога вьётся меж двух высоких холмов. Над выжженным полем кружат два ястреба. Солнце прячется в пыльных облаках, и из них выныривает самолёт.

Ребята уже бегут к соломенной куче на вершине холма. Я пытаюсь стащить деда с телеги, он отмахивается. А на той стороне дороги виднеется белесое пятно, но мне некогда его рассматривать.

Да я, принципе, уже знаю, кто это там... Соня с моим рестом. Или все-таки Иринка?

Я даже успеваю слегка забросать ребяташек пучками соломы. Хотя понимаю, что всё напрасно. Ныряю в тёплую нишу, ловлю Иринкину руку, прижимаю её тонкие пальчики к груди и чувствую, как она дрожит... А говорила - не страшно.

Дикий, чудовищный стрёкот. Закрываю глаза.

Да, это кино я уже видел...

Просыпаемся от голода. Ночь. Спускаемся к деревне. Наша жертва бросает в нас проклятия, вперемешку на русском и немецком языке. Старик, пленный немец. Он сопротивляется недолго, он знает за что мы его... Он помнит, как выполнял приказ командира, что велел детей заживо

сжечь.

А мои дети сыты. Мы укладываемся спать на долгие года.

Но мы просыпаемся снова. Снова голод. И сегодня у нас на ужин какая-то неряшливо одетая, дурно вопящая тетка. Иринка знает, за что... А мне всё равно. Я притаскиваю её к куче соломы. Я и мои дети сыты. И мне это начинает нравиться...

Голод и августовская жара снова будит нас через десятки лет. Рудик мог бы быть правнуком того пленного немца. У них даже что-то общее есть. Черты лица, привычка кривить губы. И неестественная покорность судьбе. Фашисты-фаталисты. Забавно. И мне всё больше нравится то, что мы делаем.

О, да. Это была личная месть. Нам было ещё рано просыпаться. Я сам так захотел. Мы даже не были голодны. Но меня разбудил свистящий шёпот в моих ушах: «Русские свиньи». А кто это у нас там сам вопил, как свинья? Да, мы просто развлекались. И у нас, представьте себе, оказалась камера. Я сам установил её. Ага, как профессиональная съёмочная группа. Ха! А выключал её... угадайте, кто? Самый мелкий - Егорка. Точнее, тот, кем он стал. Я объяснил ему, как...

А потом наша солома сгорела...

Вот это воспоминания! Снова искусственные? Я вожак Соломенных...? Бедная моя психика...

А мы всё на той же телеге.

Дорога снова вьётся меж двух высоких холмов. Над выжженным полем кружат два ястреба. Тянет сладковатым дымом. На склоне холма догорает куча соломы. Нашей соломы.

О'кей, новый сценарий понятен. Я снова наблюдаю всё будто со стороны.

И ещё раз. «А немцы злые?» А вот и самолёт. Тяжёлый, низкий гул. В реальности он намного страшнее, чем через динамик телефона. Егорка пищит: «Это не наш!»

Высоко-высоко над нами кружит ворон.

Вокруг словно сгущаются сумерки. Из ниоткуда, будто из серого дыма, на телегу запрыгивает собака. В руках Славы оказывается мой старый телефон. Тот самый китаец. Несколько секунд я смотрю на пятнадцатилетнего себя. Смотрю, как я поднимаю руку, как Иринка стоит далеко за моей спиной, на вершине горы, и ветер треплет ее цветной шарфик. Она теперь в фокусе. Бегом спускается к нам. И вот она здесь...

Моя красавица. Тоже, кстати, чумахая от сажи. Любуюсь, не могу насмотреться... Пофиг, что того меня сейчас чуть-чуть не расстреляют с самолёта. Но Славик отдаёт телефон и Иринка пропадает.

А мы возвращаемся в сорок первый. Я незаметно спихиваю собаку с телеги. Псина сопротивляется, приходится крепко дёрнуть за шерсть на боку, и она, не разобравшись кто сделал ей так больно, кусает кого-то из

ребят. Жалко всех, но у меня сценарий.

- Отпускай, пусть проваливает, - говорю я, наблюдая, как она пропадает в том же чёрном дыму. Она ведь должна забрать телефон у Ирины и принести его мне. Туда, в тёмное безвременье.

Ребята наперебой пересказывают друг другу свои впечатления. Строят догадки, что это было. А я не свожу глаз с Иринки.

- Я уже видела эту собаку, - вдруг выдает девочка, - она там дохлая под кустом валялась, - и показывает в сторону оврага с яблоней.

Все замолкают. А Ира смотрит только на меня и словно спрашивает: «А ты помнишь?»

И я согласно киваю.

На повороте дороги на обгоревшем столбе сидит ворон. Пристально провожает разумным взглядом пуговичных, чёрно-прозрачных глаз.

Кто-то из мальчиков швыряет в него огрызком яблока. Я ловлю его руку, но уже поздно.

- Талу-ун!!! - ворон взлетает и кружит над нами в бледной серости неба. Закладывает широкие круги, сдвигаясь к лесу. Словно приглашает нас.

Впереди на обочине виднеется автомобиль. Машина стоит на месте. Пока подъезжаем, дети тревожно вглядываются вперёд. Я знаю, что скоро мы встретимся с немцами, и те поведут нас под конвоем к керосиновому погребу. Неужели это будет сейчас?

Нет, эта машина пуста. А в сухом придорожном бурьяне заметны отчётливые следы.

Отсюда, как минимум четверо, через поле ушли к темнеющему впереди сосняку.

Над лесом дрожит тёмное пятнышко и ветер доносит тревожный, знакомый крик ворона. Иринка трогает меня за плечо, вопросительно кивает. И я уже не сомневаюсь, что нам нужно туда. Я словно видел всё это в каком-то кино, или в книге читал. В своей, теперь уже действительно – прошлой, жизни.

Мы с Иринкой оставили ребят на телеге с дедом. С нами только Егорка увязался. Ира не смогла его отговорить. А я снова почему-то знал, что он там будет нужен. Очень нужен.

Мы пропустили мальчишку вперёд, чуть сбавив шаг. Ира взяла меня за руку:

- Мить, ты помнишь, кто мы?

- Помню, - я ошарашенно уставился на девочку.

- Так странно. Я ведь была убита... Здесь до сих пор жжёт, - она положила ладонь на грудь.

- Прости, это я виноват. Я втянул тебя, - облегчение от того, что я, оказывается, не один и не сошёл с ума, вдруг сменилось чувством вины и новой волной страха за неё. Любимую и далёкую мою девочку.

- Мить, я же сама этого хотела. Пока я была в криоцентре, я поняла, что я не могу бросить тебя. Мы вместе начали это в восемнадцатом. Вместе и закончим, чем бы всё не закончилось, - она посмотрела куда-то вдаль, медленно выдохнула, - Я десять лет пыталась забыть... Но не смогла... забыть тебя.

Это признание просто выбило почву из-под ног. И сразу словно крылья выросли. Она не смогла! Забыть! Меня!

- Ирин, я обещаю, всё будет хорошо.

- Да, я тоже помню, как всё будет...

По сухой стерне мы добрались до леса. Ворон ждал нас на нижней ветке сосны. Но стоило нам подойти, сорвался и, плавно скользя меж бронзовых стволов, полетел в чащу.

Мы миновали молодой соснячок, заболоченную низинку. А после песчаной осыпи нам открылась поляна, развороченная взрывом. Молодые сосенки словно в оторопи раскинулись в разные стороны, отклонившись от ударной волны. В центре поляны осталось месиво из песка, корней, обрывков одежды. Егорка рванул было вперед, но я удержал его за воротник рубашки.

Ворон мягко опустился на краю поляны. Встряхнул крылья, будто небрежно плечами передернул. И принялся важно прохаживаться от сосны со сломанной верхушкой до можжевельового куста.

- Он же зовет нас, - всхлипнул Егорка и шагнул на опасную поляну. А ворон прыжками обогнул старый вывороченный корень и направился к невысокому, плоскому холмику, только не по прямой, а чуть наискосок, аккуратно меж двух пеньков. Егорка быстро шёл за ним, но я обогнал его, спрятал за себя, а за мной и Иринка отодвинула пацанёнка себе за спину. У пенька торчали из травы три тонких усика. Едва заметных. Я показал их Иринке, велел, чтоб она внимательно смотрела под ноги. И сам теперь впился глазами в землю, лишь изредка бросая взгляд на ведущего нас ворона.

Вскоре мы услышали приглушенный писк, словно из-под земли. Жалобный плач, тонкий, пронзительный скулёр.

Ворон уселся на невысокий холмик у подножья огромной сосны. Здесь темнел вытоптаный пятачок земли. А под корнями виднелась нора. Узкий тёмный лаз. И пахло псиной.

Я присел, заглянул в темноту, просунул руку. Ладонь нащупала рассыпающееся в труху бревно и комочки мягкой, волглой шерсти.

- Что там? – склонилась рядом Иринка.

- Есть там кто живой? - Егорка подполз на коленках, почти наполовину нырнул вниз и мы услышали его восторженный крик: - Тут щенки! Совсем маленькие.

Иринка присела рядом, а юркий мальчишка сумел протиснуться внутрь. Посопел, повздыхал.

- Сейчас достану. Держите, ребята.

Через пару минут у нас на руках уже было четверо щенков. Лохматых, неуклюжих словно медвежата. Пепельно-серых, такого же мышинного окраса, что та собака...

Наверное, нам с Иринкой одновременно пришла в голову одна и та же мысль. Мы растерянно переглянулись. Да, их мать теперь на дороге у куста лежит. Та самая серая собака, что когда-то спасла других нас от расстрела с фашистского самолёта. Теперь мы спасаем её щенков... Вот почему она помогала нам в сентябре восемнадцатого. Чтобы мы сейчас помогли ей... Или наоборот? Я, честно сказать, уже совсем запутался в наслоениях времени.

Иринка села под сосной, уложив щенят на подоле платья. А они щекотали ей ладони мокрыми носами, пытались покусывать пальцы, искали молоко.

- Мить, смотри какой красавец, - Иринка подняла одного, с огромными голубыми глазами и серьёзным выражением на морде, посмотрела на живот, - то есть красавица! Я бы взяла её себе... Если бы могла...

Егорка всё возился где-то в норе, сопел и чихал.

- Митя!!! – вдруг донеслось из-под земли, - Митя, тут бомбы! Много!!!

Тут же из норы высунулась его взлохмаченная голова. Чумазое лицо светилось восторгом.

- Теперь мы будем партизанами!!! – завопил мальчишка, - мы будем фашистов бить!

Я вытащил пацана наружу. Сам протиснулся сколько смог. Когда глаза привыкли к темноте. я едва разглядел деревянные ящики, укрытые брезентом, кули и мешки, стоящие в ряд у противоположной стены. Здесь пахло землей, порохом и металлом. Будто свежим привкусом крови в горле.

Оружейный склад, тайник. Запас для партизан. И ведь я помнил это.

Егорка стоял с самой счастливой улыбкой, на которую только был способен ребенок войны. В руках мальчишка держал гранату.

- Это противотанковая! - с гордостью заявил он.

Да, я в фильмах видел, как такие штуки под гусеницы швыряли.

- Я там ещё кое-что нашел, - хитро прищурился мальчик и показал жестяную банку тушёнки за пазухой.

Где-то позади мы услышали треск, быстрые шаги и немецкую речь. Я ухватил Егорку в охапку, Иринка бросилась следом, прямо со щенками в подоле. Мы едва успели спрятаться за вывороченным корнем.

Из-за деревьев появились солдаты. Немцы прочёсывали лес. А я вдруг

вспомнил про те усики, торчащие из травы...

Три взрыва грянули почти одновременно. На несколько секунд в воздухе будто повисли комки земли, хвоинки, травяной мусор, а потом удушливой лавиной всё это обрушилось на нас, забивая глаза и уши.

Я прикрывал собой Егорку и Иринку, пока на спину мне не перестали сыпаться комья земли. Потом едва смог поднять голову.

- Уходим, - прошептал я, не слыша своего голоса. Забрал у Егорки гранату и заткнул её за пояс. Ребята, вероятно, тоже не слышали ровным счётом ничего, кроме гула и шороха в ушах, но меня поняли.

Гуськом мы перебрались меж двух пеньков на край поляны, потом до сосны с отломанной верхушкой. За жиденькой завесой сосёнок ворочались раненые, к ним осторожно подходили остальные.

- Хальт! Партизан! - донеслось до слуха словно через подушку.

- Бежим! Бежим! - прочитал я по губам Иринки.

Я ухватил Егорку за руку, и мы помчались по лесу вслед за чёрной тенью крыльев, мелькающих среди стволов. Егорка прижимал за пазухой банку тушёнки, а мы с Ириной крепко держали по двух кутят в одной руке. Второй - то и дело приходилось откидывать ветки и придерживаться за стволы.

Мы выбежали на поле, рванули к телеге. Махали и кричали на бегу, чтоб они трогались. Я достал гранату, выдернул то, что, вероятно, и было чекой и бросил в сторону машины.

Вслед нам, где-то за ржавыми стволами, неслось: «Хальт!!! Их верде шиссен!!!»

Ага, вы сейчас не стрелять будете, а поджигать. Уж я-то знаю. Вот, оказывается, где мы друг на дружку навалились. А я всё голову ломал, за что они нас так невзлюбили... А мы их минами да гранатами. Только что-то у машины слишком тихо.

Я уже отчаялся и смирился с мыслью, что затея с гранатой не удалась, и тут прогремел оглушительный взрыв. Я обернулся и увидел, как на месте, где стоял их автомобиль в небо поднимается чёрный столб дыма.

Теперь у нас, наверное, есть совсем немного времени.

По ухабистой дороге мы скатывались с горы. Щенки наши притихли, мы закопали их в сене. Они даже скулить перестали, словно чувствовали, что беда идёт за нами по пятам. А Егорка, наклонившись над ними, шептал: «Не бойтесь, мои маленькие. Теперь я о вас позабочусь. Я вас скоро покормлю. У меня тушёнка есть».

Внизу под горой уже виднелась брошенная сожжённая деревня.

Чёрт, очень знакомая деревня...

Лошадь билась в упряжке из последних сил. Старик непрерывно цокал и тряс поводьями. И детям казалось, ещё чуть-чуть, и мы будем спасены, разбежимся, спрячемся по пустым, недогоревшим дворам.

Но я-то помнил, кто мы и что сейчас будет.

Нас догнали у околицы нашего Михайловского, только старого, но легко узнаваемого.

И керосинка оказалась на месте.

Они не стали тратить пули на старика. Просто прикладом по затылку. Я видел, как он повалился в траву и спокойно закрыл глаза. Будто кивнул мне: «Не волнуйся, ты все правильно делаешь».

Я почувствовал, как резким рывком меня поставили на ноги. Но ноги меня не держали, а у горла плескалась горько-кислая желчь.

Нас повели к погребу, под конвоем, всё как в том видео. Под ногами жёстко шуршала трава, солнце не давало поднять взгляд, и оглушительно билось сердце. Я обернулся. Хотел ободрить мою девочку улыбкой, но не получилось, лицо вдруг свело странной судорогой, а в спину резко уткнулся холодный ствол автомата.

Соню крепко держал один их НИХ. Но она уже не плакала, она вытянулась в струнку, напряжённо следила за полетом ворона над нашими головами. И она теперь и в самом деле выглядела ровесницей моей Иришки. Той Иришки, из восемнадцатого года. Как быстро дети от горя и страха взрослеют...

Под ноги мне свалился мой рест. Я успел поднять его. На секунду вспомнил истерику Санька, по поводу пугания самого себя. Да, ещё каких-то полтора часа назад, я удивлялся Митиной сообразительности, не подозревая, что это я сам.

Дальше страха не было. Я в прямом смысле доверился сам себе. И когда прятался в кирпичном кармане, вовремя догадавшись вдохнуть поглубже, и когда принимал из рук в руки Санькину винтовку, и когда поднимался наверх.

Рест я бросил на пол, чтоб без фокусов. Пять метких выстрелов сквозь непроглядный для немцев дым. Пять тел, лежащих в пыли.

Подбежал к Иришке, сидящей на коленях, обнял её.

- Ира, что мне делать дальше? - шептал я тихо-тихо ей в шею, - Я не знаю, как нам вернуться. Помогите...

Я боялся посмотреть в сторону того меня - будущего. Я помнил, как та Иринка лежала на моих руках, и с краешка рта медленно стекала струйка крови.

А здесь она живая, маленькая, худенькая, дрожит в моих объятиях.

- Где браслет? - едва шепчет моя принцесса.

Я встаю, передаю винтовку Славке, пусть теперь он здесь старший, спускаюсь в погреб. На ещё не остывшей, почему-то влажной земле валяется мой рест.

Иришка спускается за мной. Подходит близко-близко. В темноте погреба я слышу ее спокойный шёпот:

- Я пока позаимствую эту штуку, - она забирает браслет, - Теперь я должна показать нам, как все будет. И старика на дороге, и сентябрьский

соломенный костер, и этот погреб. Саша должен сфотографировать меня. Я тогда ещё не научусь правильно держать браслет. Потом мне нужно оставить яблоки на наших лавочках, - она как-то грустно усмехнулась, - у меня ещё много дел. Сгореть в машине, полежать в криоцентре... И понять, что я чувствую к тебе.

- Что? - выпалил я против воли.

- Мить, ты всё уже сделал правильно. Но я должна заставить тебя действовать. Прости за фантомные ожоги...

- Ира, нам надо вернуться, вместе, - шепчу я в ответ, и слышу нотки паники в собственном голосе.

- Ты вернёшься, совсем скоро.

- А ты?

- Я тоже вернусь. Чуть позже...

- А мы, которые там, - я кивнул вверх, - что будет с нами?

- Не переживай об этом. Это наши изображения на экране телефона. Ты здесь. И я здесь.

- Обещай, что вернешься!

- Да, Мить. Я вернусь, обещаю. К тебе... - отвечает моя девочка и, пока я не успел сказать и слова, подносит к моим глазам камеру «Госта», - смотри внимательно.

Через голограмму я вижу, что на противоположной стене в нише аккуратно пристроен Санькин смартфон. Я протягиваю руку, чуть касаюсь маслянистых кирпичей, но уже через секунду под пальцами оказывается гладкая поверхность экрана.

- Пока, Мить, - слышу я голос любимой, и она пропадает. Пропадает вместе с душным запахом горелой земли и керосина. Стены на глазах покрываются трещинами, осыпаются кирпичной крошкой. Исчезает полка с мутными бутылками, запечатанными сургучом. С минуту я стою в старом керосиновом погребе, сжимая в руках привычную, тонкую пластинку Санькиного смартфона.

Она сказала, что вернётся... ко мне? Мне не послышалось?

На негнущихся ногах поднимаюсь к выходу.

Вечернее солнце ярче, чем огонь. Над дорогой золотая кисея светящейся пыли. Она медленно оседает в спокойном безветренном воздухе. Передо мной стоит Санёк. Расслабленно улыбается.

- Получилось, - говорим мы друг другу одновременно, а я протягиваю ему телефон.

- Откуда ты знал, что его надо в погреб? - спрашиваю я, с трудом выговаривая слова.

- Иринка сказала.

- Иринка?

Санёк кивнул, небрежно пожал плечами:

- Она велела спуститься, как только вы оба пропадете. Оставить

телефон с включенной камерой в нише стены... – брат прищурился, - Там, наверное, очень интересное видео.

- Да уж, - хмыкаю я, - А Иринкин Хром?

- В кармане, - Санек похлопал себя по груди, - Пошли домой, скоро Алинка с Мией приедут.

Дома я первым делом проверил запись в Хроме. Всё совпало. Всё по сценарию. Выложил на фьютьюбе. Сразу просмотры посыпались.

Зачем выложил? Ну, оно же там уже было... когда-то. Нет, не так. Затем, чтобы я его увидел... два дня назад.

Девчонки прикатили на кси-такси. Огромном и жёлтом, словно старый американский школьный автобус.

- Дядя Митя!!! - Мия бросилась ко мне прямо со ступенек. Из багажного отделения Санёк выгрузил две огромных сумки.

- Дядя Митя, представляешь, нам бабушка с дедушкой, - взхлёб тараторила девочка, - бабушка с дедушкой достали семена для оранжереи! А ещё, - Мия заговорила тише, - ещё дедушка получил от завода целый килограмм настоящего мяса. Не консорта! Представляешь! Мама хочет его пожарить на костре.

Я грустно усмехнулся. Совсем недавно я сам рисковал оказаться куском мяса на костре. Но предложение было заманчивым. Это же любимое летнее развлечение. А бедная Мия даже слов-то таких не знает. Шашлыки и барбекю - нынче запредельная роскошь.

Санёк устроил мангал из того, что нашел во дворе. Старые стальные пластины, Бог знает как, оказавшиеся у нас, несколько целых кирпичей, остатки негорючего, нетонущего, неубиваемого полимера... Приличный такой мангал, даже с поддувом.

Разжигать вызвался я. Надо же свои фобии держать под контролем.

Мясо мариновала Алинка, по старому, семейному рецепту. А жарили мы с Саньком.

Нет, знаете, это все равно не то... Ну не те шашлыки, что раньше. Я даже предположил, что Алинкиного отца обманули, подсунув ему всё тот же консорт. Алинка в шутку обиделась, отвернулась, достала телефон. Пара лёгких касаний к экрану, и жена брата посмотрела на меня абсолютно чёрными, цыганскими глазами. Вроде даже молнии в зрачках искрились.

Санёк фыркнул, засмеялся. Мия запрыгала от восторга. Я пожал плечами.

- Мить, я тебе уже объяснял, почему так, - успокоился Санька, - ты саму жизнь не чувствуешь. Потому что ты...

Я поднял руку, дал понять, что тема даже не должна открываться.

Алинка в качестве примирения, выбрала самый поджаристый кусочек, посыпала мелкорубленной зеленью, полила соусом по фирменному рецепту и поднесла на тарелке к моему носу.

Ничего. Абсолютно никаких чувств и эмоций.

Но вдруг я увидел, как по тропинке к нам идёт моя Иринка. Улыбается и что-то прячет в ладони.

Но носа достучался обалденный аромат, но мне уже было не до шашлыка.

Мир мгновенно заполнился всеми возможными звуками, красками, запахами. Я чувствовал его так, как тогда, в сентябре восемнадцатого, стоя посреди поля с простреленной рукой.

И передо мной также, со слезами на глазах, улыбалась моя девочка. Моя?

- Здравствуй, Мить, - Иринка решила не нарушать традиций, - я принесла тебе Призрака, - она вложила браслет в мою протянутую ладонь, ненадолго задержала руку, её пальцы ласково погладили мои, а потом повернулась к Сашке, - Спасибо, за помощь, ну и за то, что забрал мой Хром.

- Всегда пожалуйста, - весело хмыкнул брат и, приобняв Алинку и дочку, поспешил оставить нас с Ириной наедине.

Я только протянул руку, а моя девочка уже бросилась ко мне, крепко-крепко обняв и шепча со слезами:

- Я вернулась, мой соломенный герой.

Часть IV. Ворон и Мышка.

В сети рассказ есть. Его Алинка написала года за три до последних моих приключений. Тогда я, что называется, прочитал и забыл. То есть, думал, что забыл.

Теперь-то я знаю, откуда мои знания о тайнике партизан, знаю, что это был за ворон и что за собака. И это при том, что я тогда ничего, абсолютно ничего, Алинке не рассказывал.

Только, если во всё это верить всерьез, можно и свихнуться.

А вообще, по чесноку, мне кажется, что я уже давно...

А ладно, смотрите сами.

Война катилась вперёд. Все ближе и ближе. Где-то за лесом ухали взрывы. Днём от грязно-пыльных облаков тянуло горькой, удушливой гарью. А по ночам небо на западе мерцало заревом пожаров.

По темному лугу, в туманных сумерках бежала собака. Серая, мышиноного окраса. Мокрая трава цеплялась за длинную, свалывшуюся шерсть на животе. Холодила до боли набухшие соски. Собака торопилась. Её давно ждали в западничке под старой сосной.

Под сенью леса было ещё темнее и так тихо, словно сосны, как стеной отгородились от остального мира. От человеческого горя и нечеловеческой жестокости.

Вот развилка, за ней песчаная осыпь. А там дальше за сторожкой

молодые сосенки и редкие кустики вереска.

Из избушки вышел лесник. Ласково потрепал собаку за ухом, поправил винтовку на плече и отправился в обход. Нынче было беспокойно. И его главной задачей было недопустить, чтобы в руки немцев попал схрон с боеприпасами. Подорвать, если будет замечен неприятель.

А немцы уж всю сновали по окрестностям. А наши им пока уступали. Так что склад в чужие руки сдавать было нельзя, а свои до него никак не дотягивались.

Собака ухватила варёную картофелину из миски возле лавочки, лакнула пару глотков дождевой сладкой воды и побежала дальше.

Теперь прямо по краю поляны, от сосны со сломанной верхушкой до можжевельного куста, обогнуть старый выворотень и аккуратно между двух пеньков. Только так. Иначе здесь не пройти.

Собака нырнула в щель в западничке. Тёплый, родной запах шерсти, молока, знакомый тонкий писк, мокрые прохладные носы, рвущиеся наперебой под живот. И блаженство, смешанное с болью, от настырных десен, царапающих переполненные молоком соски.

А там, дальше в сырой темноте деревянные ящики, брезентовые кули, мешки. Запах металла, пороха и непролитой крови.

Щенков было четверо, лохматых, неуклюжих. Пока она ещё не выносила их на свет. И до них никто, ни один человек не смог бы добраться. Узкий лаз между бревен в земле, тёмный и тёплый закуток - пока лучшее место для этих несмышлёнышей.

Дичи в лесу почти не стало и теперь собаке приходилось уходить все дальше в поисках пропитания. Лесник подкармливал ее как мог, деля пополам редкую краюшку, да миску жидкой похлёбки из чудом добытой куропатки.

- Приноси своих хомяков в избушку, Мышка, - говаривал собаке лесник, - не ровен час, придут изверги. Мне ведь не до твоих будет... Ты вон их куда запрятала. А придется землянку твою изничтожить? Кто их вытаскивать будет? Что молчишь?

Старик отщипывал кусочек хлеба из картофельных очисток, долго мял его пальцами, потом подкидывал, а собака жадно, одним движением ловила роскошное угощение.

- Вот так, Мышка, вот она. война пришла. Ни детей, ни стариков не жалеет. А я-то всё думал, что Митьку найду. Внучок мой жив ли, и то не знаю. Отец его на фронте, а доченьку мою... - старик опустил голову, посидел в тишине, вытер рукавом набежавшие жгучие слёзы, - Полететь бы по белу свету большекрылой птицей, проглядеть бы все пути-дороги. Где бы свидеться, чем бы помочь ему? Помнит ли он деда старого? Эх, Мышка, Мышка, куковать нам тут с тобой, видать, до недолгой смерти...

Слушала его Мышка, умными глазами смотрела, тыкалась понуро в стариковские колени. А как только шептал он ей на ухо: «Ладно уж, беги

скорее», срывалась с радостным уканьем и к детям неслась. Жалко ей было старика, да щенки-то роднее.

Маленькие, беззащитные, всегда голодные.

В тот раз с рассветом Мышка по привычному маршруту уже снова бежала на охоту. Через прилесок, через овраг, через пыльную проселочную дорогу, что серой лентой вилась меж двух холмов.

Вдруг её внимание привлекло какое-то шуршание в придорожных кустах. Мышка сунула нос в траву, принялась. Тут копошилась нерасторопная мышь. Собака так и замерла. А мышь, глянув на неё агатовыми бусинками, продолжила невозмутимо пропускать сквозь передние зубки золотистую метелку какого-то сорного злака.

Лёгкая, конечно, добыча. Но уж больно мала, на один зуб. Да ещё и глупая. Или больная, раз бежать и не думает.

Мышка решала, стоит ли хватануть, да проглотить, или оставить эту потеху для щенков. То так голову повернет, то эдак. Сидит глупая мышь, метелку свою точит, да чёрными глазёнками поглядывает. Засмотрелась Мышка на мышу, не услышала, как из-за ближнего поворота автомобиль вывернул, да на полной скорости вперёд понёсся. Мимо куста, под которым две мышки друг на дружку глядели, проехал в клубах пыли, только правым крылом будто мешок с соломой задел, слегка так. Водитель и не заметил.

Рассеялась пыль. Мышь вытерла лапкой мордочку, а Мышка едва приподняв голову, последним движением подтянула задние лапы, словно пытаясь отползти с дороги. А под ее впалым животом уже растекалась чёрная лужица.

Машина остановилась недалеко. Два чужака, крепко сжимая в руках винтовки, двинулись в лес.

Целью их был схрон в лесу, что по словам языка, охранял старик с трёхлинейкой. Неподалеку от его избушки в земле было спрятано оружие и боеприпасы.

Шаги их были тяжёлыми, быстрыми. Чёрные носки сапог с хрустом сминали сухую, пожелтевшую траву.

Старик увидел их в окно. Ухватился за трёхлинейку, да сразу отложил. Не отстрелятся он тремя патронами, нет. Хитрость тут нужна.

Главное, не выдать им секретный подход к схрону. Мины удачно расположены, да мало их, можно пройти. Да ещё ведь хомяки там Мышкины. Хоть и мелкие, а все живые души. Дети.

Чужаки вывели старика. Быстро согласился он. Согласился идти, показать им тайник. Показать им секретный подход.

Подход к смерти их скорой.

Знал старик, очень хорошо знал, где из-под земли едва заметные усики растут. Сбавил шаг, поманил немцев, вроде бы показать, а сам ногой те усики дёрнул.

Только успел на блёклое небо сквозь дымку сосновой хвои взглянуть,

да подумал, что вот он, полёт начинается...

Дрогнула земля. Грянул взрыв. Тугая волна раскатистого грохота понеслась во все стороны. Качнулась старая сосна. Неслышно посыпалась земляная пыль с бревен под землёй. Чихнул осиротевший щенок, уткнулся влажным носом в тёплое брюшко брата.

А из кусков лесной земли, что взрывом в воздух подняло, да человеческой кровью пропитало, вдруг будто чёрный ком собрался. Кувыркнулся в воздухе, обернулся крупным вороном, крыльями взмахнул и поднялся выше самых высоких сосен. Полетел над лесом, над выжженным солнцем полем, вдоль дороги.

Многое увидел ворон. И автомобиль на обочине, на котором чужаки те приехали, и Мышку под кустом лежащую, и ребят на телеге. Сел ворон на столб обгоревший, внимательно на мальчишку темноглазого поглядел. Увидел вдруг дочку свою, что в первое утро войны от бомбежки погибла. И понял старик-ворон, что нашел своего внука. Живой Митька его и будет теперь жить. А уж ворон его от всех бед защитит, спрячет. От солнца палящего крыльями укроет, от пули вражеской спасет, каменной стеной ему станет, от огня-пламени отгородит.

Полетел ворон к раскидистому кусту в низинке. Опустился перед самой мордой собаки. Сигнал изумрудных мух, что словно брошки по серому меху расселись. Долго вглядывался в жёлтый помутневший глаз.

Мышка, Мышка, подвели мы друг друга. Хомяки твои в западничке одни остались. А первый, кто туда сунется, тот им и себе смерть принесет. Проход только ты да я знаем.

Так что слушай, Мышка, очень внимательно слушай. Дети твоих щенков из западничка вытащат. Покажи им только дорогу безопасную. Вставай, Мышка, вставай. Ты всё можешь. Помни, щенков твоих спасти надо.

Спала мутная пелена с глаз собаки, зажглись они словно два сернистых фонаря. Вздрыгнула холка, и встала собака на ноги. Завыла протяжно. И вой этот слился с гулом самолёта в чёрных, дымных облаках.

А дальше, конечно, Алинка наврала. Хотя не так уж и много. Тайник они нашли, щенков спасли. А потом немцы чуть не сожгли их в сторожке лесника... Ничего не напоминает? Ребят выручили партизаны, что уже пару недель блуждали по лесу в поисках этого схрона.

Да, чуть не забыл. Вчера возвращался с работы. Поздно, дождь, холодно. А у подъезда лежит какая-то серая тряпка. Я хотел уже мимо пройти, а «тряпка» морду так ко мне поднимает, и в темноте глазки блеснули. Щенок!

Мне показалось, сквозь шорох дождя, с высоты, из непроглядного неба донеслось прощальное: «Талу-ун!». Ну показалось, я думаю...

А дома Иринка уже приготовила ужин, выскочила ко мне навстречу. Обнимает, целует. И тут я из-за пазухи это чудо достаю...

- Ой, какой же ты классный, - тут же взяла его на руки Иринка, посмотрела на брюшко, - извините, классная! Только мокрая, - подняла щенка к самому лицу, - какие у нас глазки серьёзные. Голубые-голубые. И сама вся серенькая... Назовем тебя Мышкой?

А Иринка пока ещё рассказ не читала...